

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 4 (52), 2024

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2024

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 4 (52), 2024

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

Head editor: Teslina Olga Vladimirovna

Executive editor: Pankratova Elena Evgenievna

EDITORIAL BOARD:

Dmitrieva Elizaveta Igorevna,
Candidate of Philological Sciences,
Ansimova Olga Konstantinovna,
Candidate of Philological Sciences,
Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology,
Madrakhimov Tulibay Abdugarimovich,
Candidate of Philological Sciences,
Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich,
Doctor of Philosophy in Pedagogical Sciences (PhD),
Popov Dmitriy Vladimirovich,
Doctor of Philological Sciences,
Sheremetyeva Anna Gennadevna,
Doctor of Philological Sciences,
Bobokalonov Ramazon Radzhabovich,
Doctor of Philological Sciences
Saifullaeva Rano Raupovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor
Yakubov Zhamaliddin Abduvalievich, Doctor of Philology
Ziyamukhamedov Zhasur Tashpulatovich,
Doctor of Philological Sciences
Kilicheva Feruza Beshimovna,
Candidate of Philological Sciences

EDITORIAL STAFF:

Novogradec Marina Jajic, PhD
Loseva-Bakhtiyarova Tanem Valerievna,
Candidate of Philological Sciences
Saidov Yakub Siddikovich, PhD in Philology
Artamonova Irina Valerievna,
Candidate of Philological Sciences

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.

Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G", office 312

E-mail: sciphilology@inbox.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: «Scientific survey» Ltd.

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 4 (52), 2024

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна
Ответственный редактор: Панкратова Елена Евгеньевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дмитриева Елизавета Игоревна,
кандидат филологических наук,
Анимова Ольга Константиновна,
кандидат филологических наук,
Атаманова Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
Мадрахимов Тулибай Абдукаримович,
кандидат филологических наук,
Рахмонов Азизхон Боситхонович,
доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Попов Дмитрий Владимирович,
доктор филологических наук,
Шереметьева Анна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
Бобокалонов Рамазон Раджабович,
доктор филологических наук
Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук
Якубов Жамалиддин Абдувалиевич,
доктор филологических наук
Зиямухамедов Жасур Ташпулатович,
доктор филологических наук
Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Новоградец Марина Яйич,
доктор филологических наук
Лосева-Бахтиярова Танем
Валерьевна,
кандидат филологических наук
Саидов Якуб Сиддикович,
доктор филологических наук
Артамонова Ирина Валерьевна,
кандидат филологических наук

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312
E-mail: sciphilology@inbox.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Научное обозрение»

===== CONTENTS =====

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

Vu Thi Chin, Bui Thu Ha,

FEATURES OF THE TRANSMISSION
OF THE SPECIFIC SEMANTICS
OF THE RUSSIAN VERB TRANSLATED
INTO THE LANGUAGE OF THE ISOLATING SYSTEM.....6

Linguistics

Zaitsev S.G.

PATTERN AS SPEECH CODING TECHNIQUE – GESTURE SUCCESSOR.....12

Markova O.V.

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL SYSTEMS OF THE LANGUAGE.....21

Ponomarev I.S.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT
OF THE COLOR DESIGNATION.....29

Philological sciences

Makeev A.A.

LINGUISTIC METAPHOR.....40

===== СОДЕРЖАНИЕ =====

**Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание**

Ву Тхи Тьин, Буй Тху Ха

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ВИДОВОЙ
СЕМАНТИКИ РУССКОГО ГЛАГОЛА
В ПЕРЕВОДЕ НА ЯЗЫК ИЗОЛИРУЮЩЕГО СТРОЯ.....6

Языкознание

Зайцев С.Г.

ШАБЛОН, КАК ПРИЕМ РЕЧЕВОГО
КОДИРОВАНИЯ – НАСЛЕДНИК ЖЕСТА.....12

Маркова О.В.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА.....21

Пономарев И.С.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ.....29

Филологические науки

Макеев А.А.

ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА.....40

=====
Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics
Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание
=====

УДК 811.11:378.1

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ВИДОВОЙ СЕМАНТИКИ РУССКОГО
ГЛАГОЛА В ПЕРЕВОДЕ НА ЯЗЫК ИЗОЛИРУЮЩЕГО СТРОЯ**

Ву Тхи Тьин, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель
Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете
(Вьетнам, Ханой, улица Фам Ван Донг, 1)
E-mail: vuthichin191@gmail.com

Буй Тху Ха, магистр, преподаватель
Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете
(Вьетнам, Ханой, улица Фам Ван Донг, 1)
E-mail: buithuha8887@gmail.com

***Аннотация.** Данная статья посвящена осмыслению особенностей актуализации семантики вида русского глагола в переводе поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на вьетнамский язык. Установлены некоторые закономерности использования языковых средств репрезентации частных видовых значений русского глагола при переводе гоголевской поэмы на вьетнамский язык, выявлены и осмыслены «достижения и утраты» переводчика, демонстрирующие некоторые неочевидные особенности функционирования русских видовых форм.*

***Ключевые слова:** функционирование, видовые формы, видовые значения, перевод, вьетнамский язык, видовой показатель.*

Общепризнанно, что вид представляет собой важнейшую и сложнейшую морфологическую категорию русского глагола. Одним из самых актуальных вопросов при изучении русского вида является анализ функционирования видовых значений в художественном тексте и репрезентация семантических особенностей русского вида в языке иного типологического строя, чем русский. Проблема передачи различных семантических нюансов в переводе на вьетнамский язык приобретает особую актуальность, поскольку язык-реципиент и язык-источник принадлежат разным типологическим классам [8, 42].

Типологическая принадлежность вьетнамского языка, особенности его лексического строя определяют специфику функционирования лексических и грамматических средств репрезентации видовых значений русского глагола. Основными особенностями вьетнамского вида и связанного с ним времени, отличающими их от соответствующих русских категорий, являются слабая, доведенная до нуля степень обязательности видовых и временных показателей, особая роль специализированных лексических усилителей в выражении видовых характеристик.

Анализ фрагментов, извлеченных из различных художественных текстов, переведенных с русского языка на вьетнамский, позволил представить основной репертуар

средств репрезентации частных видовых значений русского глагола во вьетнамском языке и выявить некоторые закономерности их использования.

Как представляется, любая попытка переводчика эксплицировать неочевидные в оригинальном контексте семантические компоненты с помощью специальных лексических показателей может рассматриваться как специфический источник, обеспечивающий исследователя-аспектолога дополнительными сведениями для принятия (и / или уточнения) собственных решений. Тем самым проведенная «каталогизация» аспектуальных и темпоральных ресурсов вьетнамского языка дает возможность осуществить верификацию имеющихся в русистике типологий видовых значений под новым углом зрения.

Представления о возможностях вьетнамского языка для трансляции видовой семантики русского глагола уточняются в ходе анализа перевода конкретного художественного произведения – поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя.

1. Перевод форм совершенного вида во вьетнамском языке

1.1. Способы выражения семантического компонента ‘+ целостность’

Как показывает анализ, специализированные показатели оказываются необходимыми главным образом для тех фрагментов, которые организованы глаголами СВ.

Из 1634 рассмотренных глагольных форм, извлеченных методом сплошной выборки из анализируемых фрагментов, 613 являются формами СВ. 571 из них выражает конкретно-фактическое значение, основным семантическим компонентом которого является ‘+ целостность’.

В переводе на вьетнамский язык этот параметр часто передается с помощью видовых показателей *được, ra, rồi, thấy, mất, đi, hết, hẳn, xong, lên*. Именно они указывают на ограниченность действия пределом, т. е. на его целостность. Ср.:

V ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки.

‘Cỗ xe ngựa tiến vào cổng một khách sạn ở tỉnh lỵ N.N. đó là một chiếc xe Britska nhỏ, khá đẹp, có díp, kiểu xe mà những kẻ độc thân thường dùng’.

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою.

Xe vào đến sân; ra đón khách là một người hầu.

Когда все это было внесено, кучер Селифан отправился на конюшню возиться около лошадей.

Значение целостности завершившегося действия выражается более ярко благодаря наличию в одном контексте сразу нескольких видовых уточнителей. Ср.:

Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?

Ồi! Trôika! Con chim trôika: ai đã phát minh ra người?

Использование нескольких показателей наблюдается и в тех случаях, когда имеющийся в контексте обстоятельственный компонент не связывается однозначно с семантикой вида:

Еще третью неделю внесла большие полторапта. Да заседателя подмаслила.

Cách đây mười lăm ngày, tôi phải đóng hơn một trăm năm mươi rúp! Thế mà đã phải đấm mồm cho ông trợ tá rồi đấy.

В вышеприведенном примере словосочетание *третью неделю* и *последние три года* допускают сочетаемость с формами НСВ (ср. *третью неделю продолжается спор, последние три года свирепствовала горячка*), поэтому для выражения семантического признака целостности, характеризующего формы *внесла, подмаслила, выморила*, переводчик употребляет аспектуальные частицы *đã, rồi*, которые в полной мере передают идею завершенности действия.

1.2. Способы выражения семантических комплексов ‘+ целостность’ ‘+ наличная результативность’

Сочетание семантических параметров ‘+ целостность’ ‘+ наличная результативность’, характерное для перфектного значения русского глагола СВ, отображается во вьетнамском тексте с помощью нескольких показателей.

Это, во-первых, послелого *hết, lên, đi, mất, thấy*. Ср.:

Mối Kopeikin – кровь-то, знаете, разыгралась в нем.

Đầu anh chàng nóng bừng lên.

Так, в следующем контексте идея наличного результата – утраты при завершении действия (умирание крестьян) – выражается видовым показателем-послесловом *hết*:

Сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?

Từ lần điều tra dân số vừa rồi đến nay, ta mất hết bao nhiêu nông dân?

1.3. Способы выражения семантических комплексов ‘+ целостность’ ‘+ следствие (по отношению к грамматической точке отсчета)’

Глаголы СВ широко используются для обозначения действия, которое произойдет после момента речи или какой-нибудь другой точки отсчета. Для таких употреблений также характерен компонент ‘+ целостность’, однако, ситуация принадлежит **будущему времени**. В выражении значения совершенного вида играют роль уже упомянутые показатели *được, ra, rồi, thấy, mất, đi, hết, hẳn, xong, lên*.

Они могут однозначно сигнализировать об отнесенности действия к плану будущего даже в отсутствие временных маркеров. Ср.:

В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает.

Chỉ một năm là họ làm cho người bố tội nghiệp không còn nhân ra con gái nữa.

Обстоятельственное выражение *в один год* задает промежуток времени, в котором может осуществиться действие. Однако этот промежуток способен располагаться на разных участках темпоральной шкалы, ср. *в один год наполнят – в один год наполнили*. Вероятно, именно поэтому переводчик выбирает более однозначный вариант контекстуального показателя – *chỉ một năm* (‘только через один год’), а также использует видовой маркер *ra*, который акцентирует идею возможности достижения результата действия *узнавать* в будущем.

В некоторых случаях специализированные маркеры совмещают две функции – указания на аспектуальность и указания на модальность:

Так, в следующем примере благодаря слову *được* эксплицитно выражается значение целостности обозначаемого факта и подчеркивается оттенок возможности или невозможности осуществления действия.

Ведь это деньги. Вы их не сыщете на улице.

Số tiền có nhỏ đâu! Có phải cứ ra ngoài đường là nhất được đâu.

Как представляется, ориентация на поиск таких средств, которые сделают мысль автора максимально ясной для вьетнамского читателя, весьма характерна для анализируемого перевода. Именно этой ориентацией можно объяснить включение в следующий фрагмент текста не только видовых маркеров типа *ra*, но и дополнительных лексических элементов.

Мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, маленько приотдохнем!

Raven Ivannôvits và tôi sắp bỏ áo ra ngủ một giấc đây.

Наречие *sắp* сообщает о том, что действие *скинуть фраки* совершится в близком, непродолжительном будущем. В переводе данного предложения не упоминается действие *приотдохнуть*: *Мы с Павлом Ивановичем скоро скинем фраки чтобы поспать.*

Самым частотным показателем отнесенности действия к плану будущего является частица *sẽ* (ее содержат 45 контекстов из 181), которая употребляется и сама по себе, и в сочетании с другими средствами.

Так, использование временного показателя *sẽ* и видового показателя *được* в следующем примере обеспечивают точность интерпретации глагола *kiếm* как обозначения целостного действия, осуществляемого после момента речи:

Kогда генерал говорит, чтобы я искал сам средств помочь себе, – хорошо, говорит, я, говорит, найду средства!

Muốn tờ phải tự giúp mình, tốt lắm, tờ sẽ kiếm được cách giúp lấy mình.

В некоторых местах для усиления модального оттенка добавляются наречия *chắc chắn* ‘обязательно’ и *sớm* ‘скоро’. Слово *sẽ* остается простым сигналом будущего времени. Ср.:

Самая полнота и средние лета Чичикова много повредят ему ... весьма многие дамы, отворотившись, скажут: «Фи, такой гадкий!»

Vóc người phì nộn với cái tuổi trung niên của Tsitsikôp chắc chắn sẽ làm hai y không ít ... chắc rằng nhiều bà sẽ vừa quay đi vừa nói: «Ео! Xấu khiếp!»

С помощью наречия *chắc chắn* выражается оценка действий *повредить* и *сказать* как безусловных, неизменных для исполнения.

Как видно из приведенных в данной части работы примеров, в абсолютном большинстве случаев русские формы СВ не требуют контекстуальной поддержки, потому что имеют внутрисловные маркеры аспектуальности – главным образом префиксы (см. перечень рассмотренных форм: *узнал, выдумал, вышла, внесла, подмаслил, умерло; напишете, узнает, доедет, сыщете, выдумает, приотдохнем, скинем, найду, повредят*). Формы НСВ легко обходятся безо всяких показателей (за исключением суффиксов имперфективации) и тем самым дополнительно усложняют переводчику его работу.

2. Перевод форм несовершенного вида во вьетнамском языке

2.1. Способы выражения семантического компонента ‘+ процессность’

Формы НСВ, как уже отмечалось, довольно редко используются во фрагментах, не содержащих средств контекстуальной поддержки видового значения. В ходе анализа обнаружилось только несколько фрагментов такого рода. Интересно при этом, что семантический параметр ‘+ процессность’ реализуется в единичных случаях.

Показательно, что в контекстах с НСВ широко используются синонимические средства выражения этого значения, такие как *cứ, còn, vẫn còn (vẫn nữa)*. Они позволяют передать представление о длительности действия или состояния и / или сохранении состояния в момент речи.

На это, в частности, указывает элемент *cứ* при глаголе *tưởng* (думать), акцентирующий мысль автора о том, что говорящий имел об адресате определенное мнение, которое было актуально до момента речи (и которое вот-вот изменится).

Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек.

Tờ cứ tưởng cậu là người lịch sự.

В следующих контекстах вышеупомянутые показатели сигнализируют о сохранении наличного состояния, причем в последнем случае на выражение этой идеи работает также дополнительно введенное переводчиком слово *hiện* ‘сейчас’:

Мы напишем, что они живы, так, как стоит действительно в ревизской сказке.

Chúng ta ghi rõ là chúng còn sống, như vẫn ghi trong tờ khai dân số.

2.1. Способы выражения семантических комплексов ‘+ повторяемость’, ‘- локализованность действия во времени’

Как правило, средства контекстуальной поддержки отсутствуют в тех случаях, в которых формы НСВ выражают потенциально-качественное значение или значение постоянного свойства. Переводчик компенсирует недостаток таких средств введением глагола *biết* ‘уметь’ или наречия *thường* ‘часто’, сочетания *có là* ‘быть в наличии’. Ср.

Такие вышли славные работницы: сами салфетки ткут.

Hai đứa là thợ giỏi: chúng biết dệt cả khăn!

Лицо его (Плюшкина)... было почти такое же, как у многих худошавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед ...

Mặt lão cũng như mặt của nhiều người già, gầy gò, không có gì đặc biệt; chỉ có cái cằm nhô ra quá mức ...

Введенное автором в переводе последнего примера сочетание *chỉ có* ‘быть в наличии, существовать’ придает высказыванию следующий смысл: ‘лицо его такое же, как у многих худошавых стариков, только подбородок у него **есть (существует)** выступающий очень далеко вперед’. Таким образом, описываемая черта персонажа (выступающий подбородок) понимается как характерная для него. Оттенок постоянного отношения у глагола *выступать*, реализуемый в данном высказывании, в целом сохранен.

Таким образом, при репрезентации частных видовых значений русского глагола переводчику необходимо подобрать все имеющиеся во вьетнамском языке средства (собственно видовые и видо-временные показатели, временные маркеры, передающие различные оттенки грамматического значения вида, лексические элементы), для того чтобы с максимальной точностью выразить аспектуальную характеристику каждого описываемого действия и избежать неоднозначного понимания ситуации или искажения исходного смысла предложения.

В ряде случаев, как уже отмечалось, аспектуальные параметры глагольной словоформы маркируются внутрисловными показателями (префиксами или суффиксами). Эти маркеры, средства языка синтетического строя, в переводе на вьетнамский язык последовательно заменяются аналитическими аналогами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова, Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола: Значение и употребление. – М.: Просвещение, 1971. – 240 с.
3. Виноградов, В.В. Стиль «Пиковой дамы» // О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – С. 176-239.
4. Гловинская, М.Я. Об особенностях частных видовременных значений // Русский глагольный вид в прикладных исследованиях. – М.: Изд-во Ин-та им. Пушкина, 1994. – С. 26-31.
5. Зализняк, Анна А., Шмелев, А.Д. Введение в русскую. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
6. Маслов, Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
7. Падучева, Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
8. Солнцева, Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. – М.: – Изд-во «Наука», 1985. – 253 с.

REFERENCES

1. Avilova N.S. Vid glagola i semantika glagol'nogo slova [Verb type and verb semantics]. Moscow. Nauka, 1976. 328 p.
2. Bondarko A.V. Vid i vremya russkogo glagola: Znachenie i upotreblenie [Type and tense of the Russian verb: Meaning and use]. Moscow. Prosveshchenie, 1971. 240 p.
3. Vinogradov V.V. Stil' «Pikovej damy» [Peak Lady style]. O yazyke hudozhestvennoj prozy [About the language of fiction]. Moscow. Nauka, 1980. Pp. 176-239.
4. Glovinskaya M.YA. Ob osobennostyah chastnyh vidovremennyh znachenij [About the features of particular temporal values]. Russkij glagol'nyj vid v prikladnyh issledovaniyah [Russian verb in applied research]. Moscow. Izd-vo In-ta im. Pushkina, 1994. Pp. 26-31.
5. Zaliznyak Anna A., SHmelev A.D. Vvedenie v russkuyu [Introduction to Russian]. Moscow. YAzyki russkoj kul'tury, 2000. 226 p.
6. Maslov YU.S. Izbrannye trudy: Aspektologiya [Selected Works: Aspectology]. Obshchee yazykoznanie [General linguistics]. Moscow. YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 840 p.

7. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya [Semantic research]. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke [Semantics of time and type in Russian]. Semantika narrativa [Semantics of narrative]. Moscow. YAzyki russkoj kul'tury, 1996. 464 p.

8. Solnceva N.V. Problemy tipologii izoliruyushchih yazykov [Problems of the typology of isolating languages]. Moscow. Izd-vo «Nauka», 1985. 253 p.

Материал поступил в редакцию 05.06.24

FEATURES OF THE TRANSMISSION OF THE SPECIFIC SEMANTICS OF THE RUSSIAN VERB TRANSLATED INTO THE LANGUAGE OF THE ISOLATING SYSTEM

Vu Thi Chin, Ph.D., Associate Professor, Lecturer
Institute of Languages and International studies of Hanoi State University
(Vietnam, Hanoi, 1 Pham Van Dong Street)
E-mail: vuthichin191@gmail.com

Bui Thu Ha, MA, Lecturer
Institute of Languages and International studies of Hanoi State University
(Vietnam, Hanoi, 1 Pham Van Dong Street)
E-mail: buithuha8887@gmail.com

Abstract. *This article is devoted to understanding the features of updating the semantics of the type of Russian verb in the translation of N.V. Gogol's poem "Dead Souls" into Vietnamese. Some laws have been established for the use of linguistic means of representing the particular species meanings of the Russian verb when translating Gogol's poem into Vietnamese, the translator's "achievements and losses" have been identified and comprehended, demonstrating some non-obvious features of the functioning of Russian species forms.*

Keywords: *functioning, species forms, species values, translation, Vietnamese language, species indicator.*

УДК 81-119

**ШАБЛОН, КАК ПРИЕМ РЕЧЕВОГО
КОДИРОВАНИЯ – НАСЛЕДНИК ЖЕСТА*****С.Г. Зайцев**

Российская Федерация, ж./д ст. Шентала

E-mail: zsg13061964@gmail.com

Аннотация. После выхода моих работ «НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ПРЯЗЫКОВОЙ ТЕОРИИ ГЛАЗАМИ ДИЛЕТАНТА» и «МАТРИЦА СООТВЕТСТВИЙ РЕЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (ИХ МОДУЛЕЙ) ЗРИТЕЛЬНЫМ И ОБСТРАКТНЫМ ОБРАЗАМ (Демонстрация проекта). Этимология одинарного речевого элемента [л']» (далее по тексту «Матрица») прошло достаточно времени. Прочитавшим, думаю, приходила на ум мысль самим попытаться «вычислить» семантику речевых элементов (далее по тексту рэ), а также уяснить принципы формирования понятийных единиц. Независимо от того, получилось у кого что-то или нет, я продолжу знакомить с моим видением этимологий рэ. На их примере постараюсь показать верность предположения, что подобные одноэлементные рэ в разных языках мира имеют одинаковую или близкую семантику, а стоящие за ними образы имеют схожую «анатомию».

Ключевые слова: шаблон, бесконечное фонетическое разнообразие, вторичная иконичность, черты реликтового праязыка, тело и организм, как источник понятийных единиц.

По мере накопления материала по семантике рэ и механизме формирования понятийных единиц, я могу делать выводы о характере и некоторых чертах праязыка человечества. Например, что для предка источником знаковых и понятийных единиц было его тело и физиологические процессы организма; что на каком-то эволюционном отрезке ранние Ното использовали в коммуникации как вокал, так и жест. Мною был предложен инструмент для систематизации полученных данных- таблица, которая должна собрать воедино как семантику рэ, так и их зрительные и абстрактные образы. И эта таблица сможет подтвердить многие мои догадки и, как я предполагаю, она должна «работать» для всех языков планеты. В этой статье несколько примеров, показывающих ее возможности.

Если верна версия, что вокал эволюционно заместил жест и оба способа коммуникации какое-то время использовались предком параллельно, то эта преемственность должна была как-то повлиять на разговорный язык. Я думаю, что итогом этого влияния было: «... то, что реликтовый речевой знак- «слово» не «напрямую» описывал понятие или предмет, а являлся описанием именно «жеста» (Зайцев С.Г. 2023 «Некоторые стороны праязыковой теории...»). Понимание этимологий рэ и стоящих за ними соответствующих зрительных образов, а также представление о некоторых жестах, передающих эти образы, дает мне основание предположить, что набор жестовых сигнальных единиц был конечным. Это проявляется в том, что предок «пользовался» одним и тем же или похожим жестом (показом общего зрительного образа), как шаблоном, при формировании сообщения о предметах или понятиях, имеющих общие черты и, соответственно, жест был

«омонимичным». Следствием этого, на мой взгляд, является и омонимичность речевого кодирования, поскольку большая часть ряда рэ (фонем) была эволюционным наследником жестовой сигнальной линейки. Клише упрощало ему задачу присвоения речевого кода предметам и явлениям и позволяло не нагружать «язык» большим количеством новых понятийных единиц и соответственно освобождало от бесконечного количества сигнальных жестов и, как следствие, большого фонетического разнообразия одинарных рэ.

По мере расхождения популяций ранних Номо, рэ обростали новыми понятийными нюансами и деталями, изменялась фонетическая окраска рэ и появлялись новые фонемы, не свойственные «материнскому языку». Расширяющийся кругозор и технический прогресс, усложнял социальные отношения и вынуждал предка применять базовые рэ в речевом кодировании новых понятий и явлений. Черты материнского языка видоизменялись под воздействием различных факторов, образовывались новые языки и диалекты. Все это затруднило не только понимание значений рэ, но и замаскировало до предела факт того, что реликтовые рэ имели определенную семантику, как таковую. Я не хотел бы говорить о точности и полноте найденных мною значений рэ, потому что какие-то устоявшиеся представления мне приходится пересматривать или проявляются новые черты уже сложившихся образов. К тому же, часто непросто подобрать корректный эпитет для описания некоторых понятий, стоящих за рэ. В работе я использовал чувашский язык, как эталон, а набор реликтовых рэ (фонем) считаю примерно равным набору рэ, соответствующих чувашскому алфавиту. Предполагаемый список рэ и их значения в международном фонетическом алфавите (IPA):

Aa(a), Ёё(ə), Ee(e), Ии(i), Ёё(ə), Ыы(i), Уу(u), Ўў(у с умлаутом), Юю(ju), Яя(ja), Йй(j), Вв(v), Гг(g), Кк(k), Лл(l), Мм(m), Нн(n), Пп(p), Рр(r), Сс(s), Тт(t), Џџ(ɟ), Хх(x), Чч(ɕ), Шш(ʃ). А также: **Ль/л'/l', Мь/м'/m', Нь/н'/n', Пь/п'/p', Рь/р'/r', Ть/т'/t'.**

В этой работе я озвучиваю семантику только рэ присутствующих в словах, используемых в примерах. Итак:

e/e - «как, подобно». Может находиться как перед словом (словосочетанием), так и в постпозиции.

ё/ə - генерация какого-либо процесса; выделение, выведение(введение), выход(вход) какой-либо субстанции; касание. В конце слова (рэ) скорее всего является подлежащим. Думаю, что конкретное значение определялось контекстом разговора. Жест непонятен.

и/i - брать, взять. В конце слова, если это не глагол повелительного наклонения, является подлежащим, со значением «берущее, взявшее». Жест непонятен.

я/ə - аналог русской фонемы «о». Семантика – обозначать объем, находящийся внутри, содержимое чего-либо. Скорее всего начертание букв аналогов латинской и т.д. «о» отражает фигуру, образованную открытым ртом, при демонстрации понятия и произнесении звука. Жестом могло быть открывание рта с демонстрацией полости.

в/v/w – давление, напор (жидкостей, газов), усилие человека, влияние доминирующей популяции и т.д. Например, живой организм находится «под давлением» **в/w** и наполнен различными физиологическими жидкостями, энергией и физической силой, волей. После смерти **в/w** иссыкает с истеканием сукровицы. Также это сила, позволяющая чему-либо находиться в вертикальном положении, упругость. Энергией **в/w** «заряжены» также вулканы, ветер, солнце, «выбрасывающее» свои лучи (фаллическое представление о солнце) и т.д. Жест, обозначающий понятие **в/w**, мне до конца неясен, но в египетском языке имеется иероглиф (G43 по Гардинеру), по звучанию близкий английскому **w**. В работе «Матрица» я предположил, что понимание предками этимологий рэ и стоящих за ними образов, в дальнейшем, могло отразиться на чертах письменных знаков. Это один из примеров, подтверждающих мое предположение. Предку было сложно подобрать зрительный образ, который отражал бы понятие «напор», заложенному в рэ **в/w** и он нашел остроумный выход. Изобразил птицу с задиристым характером, но для облегчения постоянного «применения» в

письменности выбрал изображение птенца птицы. Жестом могла быть ладонь с вытянутыми пальцами (Рис. 1).

г/г - может указывать на верховенство чего-либо; физическое расположение чего-либо сверху, поверх.

к/к - «находящееся внутри- вкладыш», «находящееся рядом, вблизи, касающееся». Ребенок в утробе для матери, человек для дома, деньги для кошелька, сердце для грудной клетки, книги для библиотеки, яйцо для курицы, кролик для норы, нора для грунта, душа для человека, князь для общества, человек для одежды, река для русла – все это **к**. Понятие **к** появляется также если что-то или кто-то находится вблизи чего-либо или приближается к чему-либо или кому-либо, касается или погружено во что-то частично.

р/г - отверстие, вход, оболочка, окружение, контур, полость, площадь- в широком понимании значения. Жестом, передающим данный рэ, на мой взгляд, являлась ладонь с собранными в кольцо пальцами (Рис. 2). Египетский иероглиф, обозначающий фонему г/р, изображался в форме стилизованного рта (иероглиф D21 по Гардинеру).

т/т- рука, нога; каменное основание под почвой и глиной, горные породы. Прочие значения при рассмотрении.

с/с- источник чего-либо в широком смысле слова. Например, железы человека и животных, пища и вода, ледниковый источник в горах или родник, ростовая почка растения и конец мужского органа, способная к развитию популяция имеет **с/с** и т.д. Изображался жестом тремя пальцами большим, указательным и средним. (Рис. 3)

л'/л'- что-то маслянистое (физиологические жидкости, водяная взвесь, брызги); мелкодисперсное. Образ, на мой взгляд, сформирован на основе тактильных ощущений. Воспроизводящим рэ жестом мог быть показ слюны языком, а также «перебором» пальцев, как перетирают порошок.

н'/н'- неоднородная оболочка или объем чего-либо, состоящего из множества мелких составляющих. Например, в словах: **ин'**ей (кристаллики льда **н'**), **линь** («слизь» **л'** «взявшая» **и** «чешуя» **нь**), **вёрен'**- с чув. на рус. «веревка» («пучок волокон» **н'**), **сёлен'**- с чув. на рус. «змея» (чешуйчатая кожа змеи), **вёлтёрен'**- с чув. на рус. «крапива» (мелкие иглы опушки крапивы **н'**), **сирень** («шапка» цветов **нь**), **н'имб(?)**.

п'/р'- нить, тонкий прут, дорожка жидкости, кровеносный сосуд в организме. Как в слове **сип-** с чув. на рус. нить. Где: «источник» **с** «взявшая» **и** «нить» **п'**. В природе это могут быть паук, гусеница и т.д., выделяющие нити из желёз (**с**). В быту это кудель (как источник), из которой вытягивают шерсть во время прядения. Например, в слове **п'ётёр-** с чув. на рус. «вить, сучить». Где: «нитей» **п'** «выделение» **ё**, а **тёр** с чув. на рус. «собирать, сгребать». ***р(п)**- прокартвельская этимология «связывать». Абстрактное значение **п'** это минимальная составляющая частица, задающая свойства объектам создаваемых на её основе.

Рис. 1

Рис. 2

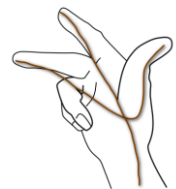

Рис. 3

т'/т'- тонкий слой чего-либо. **Т'упё-** с чув. на рус. небо, которое по представлению чуваш имеет несколько слоев. На мой взгляд, эти слои – это тоже **т'**. Также это кора растения или верхняя кожица плода, шкура животного, кожа человека.

В рассматриваемых примерах порядок рэ SOV.

Шаблон **wē/вѣ-** в паре рэ определяющим является **в/w** со значением «напор, напирющее, давящее». Определяемый рэ **ѣ/э** со значением «выделение, движение» (этимологии автора статьи). Итого **вѣ** имеет семантику что-то вроде: «под давлением выделение, движение, выделяемое, выделяющее, движимое», «выходящее под давлением». В базе данных индоевропейских этимологий имеется реконструированный корень ***wē** со значением «дуть» (о ветре). Стоящий за парным рэ, образ дает основание предполагать более широкую трактовку семантики данного праИЕ корня и ему соответствующих корней в других языках. На мой взгляд, шаблоном **wē/вѣ** предок кодирует что-либо, находящееся под давлением; поступательное движения водных или воздушных потоков, ледников; выход жидкостей или газов под давлением; появление ростков растений, рост человека; вылет (полет) насекомых и т.д. Предположу, что ладонь (рис. 1) с *напряженными* вытянутыми пальцами могла являться жестовым эквивалентом парного рэ **wē/вѣ**.

Этимология понятия **сивѣ-** с чув. на рус. «холод, холодно». Где «си»- с чув. на рус. «слой», «пласт», **вѣ-** «выход, движение под давлением». Дословно что-то типа: «слоя» **си** «движение под давлением» **вѣ**. На мой взгляд, понятие **сивѣ-** с чув. на рус. «холод», «холодно», связана с ассоциацией предков на ускоряющееся продвижение ледников, в следствии увеличения их массы при понижении температуры (К вопросу о месте проживания предков чуваш).

Кѣвѣ- с чув. на рус. «мелодия», «ритм». Предполагаемая этимология: «сердцем **к** генерируемое **ѣ** «под давлением движение» **вѣ**. Появление понятия «ритм» может быть связано с биением сердца и потоком крови в венах. Также в слове «кѣвѣ» может быть закодировано «описание» игры на духовом инструменте, например дудке, для губ человека также являющейся **к**, а выходящий из нее воздух и звуки – это **вѣ**. Следующим **к** при формировании понятия «кѣвѣ» могут быть легкие для грудной клетки человека, где **вѣ** – это мелодичные звуки, издаваемые человеком. Например, горловое пение.

Тѣвѣ- с чув. на рус. «семяпочка, зародыш семени, узел. Т'ѣвѣ: «кожицы выделение» **т'ѣ** «выход под давл. в значении «рост» **вѣ**. Пример: «улма тѣвѣлѣнне»- с чув. на рус. «картофель дал ростки».

Вена- кровеносный сосуд человека, животных. От латинской формы **vena-** рус. вена, жила. Зная его семантику, можно предположить, что при речевом кодировании понятия учтено то, что кровь «течет под давлением» **wē**.

Шаблон **вѣр/wer**. Предполагаемая семантика данного шаблона: «выбрасывающее под давлением» **вѣ/we** «отверстие» **р/г**.

вѣр- с чув. на рус. «дуть». Сил **вѣрет-** рус. «ветер дует». **Вѣр:** «выбрасывающее под давлением» **вѣ** «отверстие, в значении рот» **р**. Возможное моделирование ветра предком- он просто дул (Рис. 4).

Рис. 4

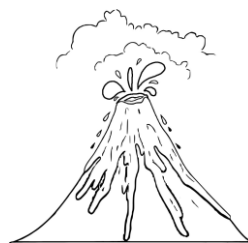

Рис. 5

вѣр- с чув. на рус. «лаять». Йытă **вѣрет-** рус. «собака лает». Первые прирученные собаки были похожи на волков? Их лай был похож на вой? И если это так, то моделирование лая/воя также могло происходить по сценарию близкому с моделированием ветра, но сопровождаться издаванием соответствующих звуков. Т.е. **вѣр** это: «выбрасывающая под давлен. - воющая» **вѣ** «пасть животного» **р**. Скорее всего эта особенность животного

отражена также в мордовском названии волка- «верьгиз», его начальная часть, а также в слове **Werewolf**- с англ. на рус. волк оборотень. (Вторую часть обеих слов необходимо объяснять).

вёр- с чув. на рус. «кипеть». Шыв **вёрет**-рус. «вода кипит». Логика формирования этого понятия объясняется возможным наблюдением предка за горячими источниками или кипящей лавой в жерле вулкана (Рис. 5). **Вёр**: «выбрасывающее под давл.-фонтанирующее» **вё** «отверстие» **р**. И уже позже кипящая вода в сосуде на огне. ПраИЕ ***werə**- со значением «гореть, варить».

ПраИЕ реконструкция ***were**- со значением «говорить». На мой взгляд, имеется сходство процесса говорения с рассматриваемым образом.

Вёри- с чув. на рус. «горячий, жаркий». Думаю, понятие могло вначале обозначать предупреждение: «дуй» **вёр** «бери» **и** (как вариант). На современном чувашском звучит как «**вёрсе ил'**».

Шаблон **pt/rt**. Использование образа этого парного рэ, на мой взгляд, отражает свойство некоторых веществ уплотняться, концентрироваться (Рис. 6, 7); способность различных представителей животного мира роиться, сбиваться в стаи, косяки или стада (Рис. 8, 9, 10); людей в политические объединения (Рис. 11); водных или воздушных потоков завихрятся. Жестом мог быть плотно сжатый кулак (Рис. 12). Чамърта- с чув. на рус. «сжимать, стискивать, сдавливать, пожимать, прижимать».

Рис. 6. «курт»

Рис. 7. «ртуть»

Рис. 8. «хурт-пчелы»

Рис. 9. «гурт»

Рис. 10. «сардина»

Рис. 11. «party»

Рис. 12

Все изображения имеют визуальные признаки понятия, а в составе парный рэ **рт/rt**. Приведенные примеры с рэ **рт** без полной расшифровки.

вѣрт/wѣрт/верт. В это сочетание заложено два понятия: «выход под давлением» **wѣ/вѣ-** и «концентрация» **рт/rt**. Объединение двух этих понятий дает понятие «вертеть». ПраИЕ реконструкция ***wѣрт** имеет такое же значение «вертеть». В природе это водовороты или вихри, сменяющие поступательное движение потоков, соответственно воды и воздуха. Жестом мог быть переход от ладони с напряженными растопыренными пальцами в плотно сжатый кулак с подворотом «на себя» (Рис. 13, 14, 15).

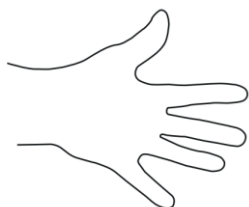

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Шаблон **вѣл'/wѣл'**. Семантика: «выходящая, выбрасываемая, выделяемая под давлением» **вѣ** «сперма, кровь, вода, что-то мелкодисперсное, насекомые, солнечные лучи(?)» **л'**. Также, на мой взгляд, этот «шаблон» был применен при речевом кодировании названий некоторых животных, растений, птиц. Жест не понятен.

***velьgubь** со значением кит- водное животное. Этот пример показателен, в плане визуальной наглядности образа слова. Праславянская этимология реконструированного корня ***velь** – «великий, огромный, высокий, высочайший». Я думаю, что у предка была причина применить такую конструкцию к речевому кодированию названия огромного по размерам морского животного. Вышеназванные категории: «вел'икий, огромный, высокий, высочайший»- могли рождаться у предка, наблюдающего за извержением вулкана: «выбрасывающий под давлением» (**ве**) «пепел» **л'**. Хотя, на мой взгляд, изначально при речевом кодировании в названии животного отражена его способность «выбрасывать» **ve** «фонтаны брызг» **ь** (Рис. 16). А также допускаю, что этимология слова ***velьgubь** может быть связана со способом размножения китовых и их отличным от рыб анатомическим строением.

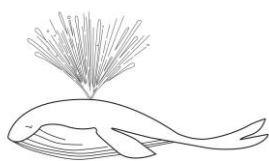

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

вѣлтѣрен- с чув. на рус. крапива (вѣ[л'] тѣр е [н']). Без сомнения главным отличительным свойством растения является его способность обжигать, вызывая на теле волдыри. Слово (условно) распадается на четыре понятия: **вѣл'**- выделяемая под давлением жидкость; **тѣр-** с чув. на рус. «собирать, сгребать»; **е-** как, подобно (в слове вѣлтѣрен **е** находится в постпозиции к **вѣлтѣр**); **н'**- субстанция, состоящая из мелких однотипных единиц. В данном случае **н'**- «опушка» из мельчайших игл, покрывающих растение (Рис. 18). Расшифровка названия растения вѣлтѣрен: «жидкость под давлением» **вѣл'** «собирающее»- **тѣр** «подобно»- **е** (в постпозиции) «множество игл» **н'**. Интересна схожесть, как

фонетическая, так и семантическая чувашского слова **вёлтёрен**, точнее его части «вёлтёр» и рус. слова «волдырь».

вёлёр- с чув. на рус. «убивать, губить». **Вёл[л']ёр**: «фонтанирующую кровь» **вёл'** «выделяющее» **ё** «отверстие, рана» **р**. ПраИЕ реконструкция ***wel** со значением «смерть в бою», «убитый в бою». Родственность приведенных примеров- праИЕ ***wel** и чув. слова **вёл'ёр** предполагается исходя из фонетического сходства слов, их близкой семантики, а также общности объединяющего образа, стоящего за сочетанием рэ **вёл'/wél'**. А именно характера выброса крови из ран, наносимых холодным оружием (Рис. 17).

Для сравнения этимология слова **вил-** с чув. на рус. «умереть, скончаться». **Ви[л']**. Где в слове: «напор» **в** «забирающая» **и** «сукровица» **л'**. Предполагаю, при использовании жеста, передающего понятие «**ви**» снималось напряжение вытянутых пальцев и пальцы расслабленно сжимались.

Шаблон **rl/рл**. Это множество повторяющихся кольцевых или других схожих, объединенных чем-либо элементов в одну систему, структур. Как кольцеобразные элементы **горла**, влагалища женщины детородного возраста; сегменты бамбука, грозди ягод. Жест-показ кольцеобразных структур неполностью сжатых пальцев ладони. (Рис. 19).

кирлё- с чув. на рус. «надо, необходимо». **Кир[л']ё**: «вкладыш (в знач. пенис)» **к** «взять» **и** «влагалища» **рл'** «выделение секрета (в значении желание)» **л'ё**. Я считаю, что речевое кодирование слова «**кирлё**» явно имеет гендерную окраску и отражает необходимость сексуального удовлетворения женщины.

пёрле- с чув. на рус. «вместе, воедино». **[п']ёр[л']е**. Данное понятие, на мой взгляд, это ассоциация предка на обстоятельство, когда что-то одновременно нанизывается на общий стержень или нить. То есть: «стержню, нити» **п'** «нанизывающему/ей» **ё** «структуру из множества колец или элементов» **рл** «подобно» **е** (в постпозиции). Этот сценарий отражает проникновение пениса во влагалище, разом нанизывающего все его кольцеобразные элементы; нить, на которой одновременно находятся комплект бусин.

Twirl- с англ. на рус. вертеть, крутить, вертеться. Этимология слова: «ладоней, рук» **t** «напряжение» **w** «снимающая, забирающая» **i** «структура со множеством кольцевых элементов (в данном примере образованных согнутыми пальцами)» **rl**. При жестовой передаче понятия **twirl-** «вертеть» предком был применен жест, похожий на описанный выше жест для праИЕ ***wērt** с тем же значением, но речевое кодирование понятия отражает несколько иные образы. На данном примере я хотел бы показать правильность предположения, что «...Первичное отдаление языков также могло происходить за счет выбора разными группами одной популяции «ранних» людей разных образов(признаков) одного и того же предмета, явления. И соответственно речевое кодирование происходило также отличными рэ из уже существующих линеек речевых элементов и образов» (Зайцев С.Г. 2023 «Матрица»). То есть для «описания» демонстрируемого жеста, передающего понятие **twirl**, предок выбирает парный рэ **рл/rl**, образом которого является структура со «множеством кольцевых элементов», в данном случае образуемых пальцами, при частичном сжимании ладони. Но не парный рэ **рт/rt**, как в слове «**вертеть**» образ которого может быть передаваем плотно сжатым кулаком. В обоих случаях, предположу, демонстрация «**вертеть**» и «**twirl**» происходила сжимаемой в кулак ладонью, с подкруткой, что являлось основой демонстрируемого понятия «вращаться». (Рис. 19, 20, 21) Слово **twirl** я бы охарактеризовал, как слово со вторичной «иконичностью», если так можно сказать. Поскольку, примененный в речевом кодировании парный рэ **рл/rl** «...не «напрямую» описывал понятие или предмет, а являлся описанием именно «жеста» (Зайцев С.Г. 2023 «Некоторые стороны праязыковой теории...»), а именно множество кольцевых структур, образованных согнутыми пальцами (Рис. 24). На мой взгляд, речевое кодирование понятия «**twirl**» описывает ладонь с напряженными вытянутыми пальцами, снимающую напряжение сгибанием пальцев руки в кольца. Каждый может это проделать сам и ощутить.

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Wirl- с англ. на рус. «вихрь». Наверное, я не ошибусь, предполагая общность исходного образа для понятий «twirl» и **Wirl**.

вёрлѣк- с чув. на рус. «жердь». Вёр[л']ѣк. Предполагаю, что слово «вёрлѣк» изначально означало быстрорастущее растение бамбук: «выбрасывающих» **вѣ** «кольцевых структур» **рл** «выходящий» **ѣ** «вкладыш(растение)» **к**. Умягчение л в парном рэ **рл'** в названии растения это возможно информация о влаге в бамбуке (растение, как источник питьевой воды?). Парный рэ **рл** отражает деления ствола бамбука на повторяющиеся подобные сегменты (рис. 22). (К вопросу о месте проживания предков чуваш).

Рис. 22

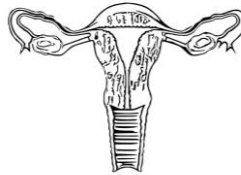

Рис. 23

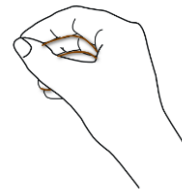

Рис. 24

Girl - с англ. на рус. девушка. Я предполагаю, что анатомическое строение женщины и именно строение ее влагалища, повлияло на речевое кодирование названия представительниц прекрасного пола. Предок выбирает кольцевую структуру влагалища **rl** главной отличительной чертой женщины (Рис. 23), «базисом» для «надстройки в виде всего организма» **G**. **Girl** дословно: «надстройку» **G** «взявшая» **i** «структура» **rl**. Такое знание деталей «... анатомии, вероятнее всего, явилось следствием каннибализма» (Зайцев С.Г. 2023).

Шаблон **кил'**. Семантика: «вкладыш» **к** «берущая, взявшая» **и** «мягкая, скользкая на ощупь субстанция» **л'**.

кил- с чув. на рус. «хотеть, желать». Ки[л']. Появление понятия я связываю с ассоциацией предка на появление секрета женских и мужских половых органов при возбуждении. Этимология слова примерно: «вкладыш» (в значении пенис) **к** «берущая» **и** «слизь секрета» **л'**.

кил- с чув. на рус. дом. Ки[л']. В данном слове использован тот же шаблон, как и в слове **кил'**- хотеть, желать. И тогда ки[л']: «вкладыш (в значении человек)» **к** «взявшая» **и** «подстилка, шалаш из шкур» **л'**. Рэ **л'**, в обоих приведенных примерах мог отражать тактильные ощущения предка. Рэ **л'** использован в значении «лиственная, травянистая подстилка» или, возможно, «мех шкур животных».

Итогом данной работы, несомненно, является демонстрация наличия семантики рэ и наличия стоящих за ними зрительных и абстрактных образов. Дальнейшая демонстрация этимологий должна снять возникшие у кого-то сомнения.

По ходу работы проявились явные параллели между современным чувашским и праиндоевропейским языком (даже на этой микроскопической выборке).

Чисто технические трудности (базы данных, словари, иллюстрации и т. д.) тормозят оформление полученного материала. Я обращаюсь к руководству «Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики» помочь в оформлении и издании полученных мною материалов, поскольку они проливают свет на историю чувашского народа и особенности чувашского языка.

* Под редакцией автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцев, С.Г. Некоторые стороны праязыковой теории глазами дилетанта // PHILOLOGY // Научное обозрение. – 2023. – №1(43).
2. Зайцев, С.Г. МАТРИЦА СООТВЕТСТВИЙ РЕЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (ИХ МОДУЛЕЙ) ЗРИТЕЛЬНЫМ И ОБСТРАКТНЫМ ОБРАЗАМ. (Демонстрация проекта.) Этимология одинарного речевого элемента [л']. // PHILOLOGY // Научное обозрение. – 2023. – №4(46).
3. Старостин, С. Индоевропейская этимология. База данных корней ПИЕ Сергея Старостина. Сервер баз данных СтарЛинг (1998-2003). Дата обращения: 15.06.2024.
4. Электронный чувашский словарь: Электронлӑ с̆амахсар. – Чебоксары. – URL: <https://samah.chv.su/> (дата обращения: 10.05.2024). – Текст: электронный.

Материал поступил в редакцию 16.07.24

PATTERN AS SPEECH CODING TECHNIQUE – GESTURE SUCCESSOR

S.G. Zaitsev

Russian Federation, Shentala railway station

E-mail: zsg13061964@gmail.com

Abstract. *After the release of my works "SOME ASPECTS OF PROTO-LANGUAGE THEORY THROUGH THE EYES OF AN AMATEUR" and "MATRIX OF CORRESPONDENCE OF SPEECH ELEMENTS (THEIR MODULES) TO VISUAL AND ABSTRACT IMAGES (Demonstration of the project). Etymology of the single speech element [l']" (hereinafter referred to as the "Matrix") has passed enough time. Those who read, I think, came to mind the idea to try to "calculate" the semantics of speech elements (hereinafter referred to as re), as well as to understand the principles of the formation of conceptual units. Regardless of whether someone succeeded or not, I will continue to introduce my vision of re etymologies. Using their example, I will try to show the correctness of the assumption that similar single-element re in different languages of the world have the same or similar semantics, and the images behind them have a similar "anatomy."*

Keywords: *template, infinite phonetic diversity, secondary iconicity, features of relict proto-language, body and organism, as a source of conceptual units.*

УДК 80

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

О.В. Маркова, преподаватель

Московский государственный педагогический университет (Москва), Россия

Аннотация. В данной статье анализируется роль законов лексической сочетаемости и метафоры в сопоставительных исследованиях. Рассматриваются факторы сочетаемости слов.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, роль метафоры, сопоставительные исследования, переносное значение, семантические отношения.

Основополагающим свойством языка является возможность успешно передать нужный смысл, используя слово не в том значении, которое обычно связывается с ним в языке. Чаще всего это делается за счет эксплуатации сходства между тем, что обозначают слова в их стандартных смыслах, и тем, о чем хочет сказать говорящий. Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать частью стандартного семантического инструментария языка.

Несвободная сочетаемость обусловлена внутриязыковыми, семантическими взаимосвязями и отношениями. Она характерна для слов с фразеологически связанными значениями. Сочетаемость в данном случае избирательна, лексемы соединяются далеко не со всеми семантически совместимыми. Например, прилагательное неминуемый сочетается с существительными гибель, смерть, провал, но не сочетается с существительными победа, жизнь, успех и др. И случае полисемии фразеологически связанными могут быть отдельные значения слова. Так, у лексемы глубокий таким значением является ‘достигший предела в развитии, течении’. Круг ее лексических связей в данном значении ограничен: она может сочетаться со словами старость, ночь, осень, зима, но не сочетается со словами юность, день, весна, лето, семантика которых не противоречит ее собственной.

Правила лексической сочетаемости носят словарный характер, они индивидуальны для каждого слова и пока еще недостаточно последовательно и полно кодифицированы. Поэтому одной из наиболее распространенных ошибок в речи является нарушение норм лексической сочетаемости: скоропостижный отъезд (вместо неожиданный), увеличить уровень (уровень может только повышаться или понижаться), усилить темпы и т.п. Довольно часто (особенно в разговорной речи) ошибки возникают в результате контаминации (от лат. *contaminatio* – приведение в соприкосновение; смешение) – скрещивания, объединения двух сочетаний, связанных между собой какими-либо ассоциациями. Обычно контаминация – результат неправильного образования словосочетания в речи. Например, неправильное сочетание иметь отражение – результат контаминации словосочетаний иметь место и находить отражение, оказать вред – оказать помощь и нанести вред. Чаще других контаминации подвергаются словосочетания иметь значение, играть роль, уделять (обращать) внимание. Нарушение структуры нормированных словосочетаний затрудняет восприятие речи.

В зависимости от позиции сочетающихся единиц по отношению друг к другу выделяется контактная (при соположении единиц) и дистантная (на расстоянии) сочетаемость, в зависимости от определяющих факторов – обусловленная (определяемая наличием у языковых элементов тех или иных отличительных черт) и произвольная (определяемая лишь принятой нормой). Также различается формальная и семантическая

сочетаемость; исследования последней стимулируются интересом к семантической стороне языка, поскольку семантическая синтагматика играет важнейшую роль в образовании смысла высказывания.

Законы и тенденции сочетаемости могут быть как универсальными, так и конкретно-языковыми. Нарушение законов второго типа ведёт к нарушению языковой нормы или изменению свойств сочетающихся единиц (в том числе и в качестве средства художественной выразительности).

Сочетаемость проявляется на различных уровнях. На фонемном уровне обусловленная сочетаемость проявляется в совместимости или несовместимости дифференциальных признаков звуков. Так, во многих языках глухие согласные не могут сочетаться со звонкими, твёрдые согласные – с гласными переднего ряда. В сочетаниях фонем с несовместимыми признаками они претерпевают комбинаторные (позиционные) изменения, например, оглушение, палатализацию.

В морфологии сочетаемость проявляется в комбинации морфем. С формальной точки зрения она состоит в использовании аффиксальных алломорфов, избирательно сочетающихся с корневыми морфемами (ср. русск. берёт, но горит) и морфонологических явлениях, в частности различных изменениях на морфемном шве.

С семантической точки зрения сочетаемость определяется совместимостью значений морфем или значения лексемы со значением морфемы (граммемой); так, лексема, обозначающая считаемый объект, совместима с морфемой множественного числа, в то время как обозначающая не считаемый объект – несовместима. Присоединение несовместимой морфемы, если оно не нарушает норму, свидетельствует о десемантизации морфемы (русск. чернила), её переосмыслении (в русск. Снега окончание множественного числа показывает не множественность, а интенсивность) или о переосмыслении лексемы (воды).

Грамматические – принадлежность слов к тем или иным частям речи (к примеру, для английского языка подчинительное словосочетание двух существительных нехарактерно, но возможно при адъективации зависимого существительного или использовании служебного слова;

Лексические – избирательность лексем (русск. Оказать сочетается с услугу, но не заботу);

Семантические – семантическое согласование (требование, заключающееся в том, чтобы компоненты сочетания не имели противоречащих сем; в случае противоречия либо нарушается языковая норма, либо переосмыслиется один из компонентов: Весь дом говорил об этом).

Лексическая сочетаемость слова – это его способность вступать в сочетания не с любым словом из какого-либо семантического класса, а только с некоторыми. Например, существует класс слов, объединяемых общим смыслом 'множество, совокупность': стадо, табун, стая, рой, косяк и т.п. При необходимости обозначить множество каких-нибудь животных мы не можем сочетать название любого животного с любым из этих слов. Причину подобного разнообразия можно усмотреть в реальном многообразии обозначаемых предметов, веществ и явлений. Но и в случае, когда речь идет не о конкретных вещах, а, скажем, об отношениях или действиях (т.е. о лексике отвлеченной, абстрактной), сочетаемость слов лексически обусловлена.

Избирательность языка в словесных сочетаниях порождает его идиоматичность, национальную самобытность и выразительность. Эти свойства формируются веками, в процессе длительного употребления слова. Они отличают один язык от других и составляют главную трудность при овладении языком.

Особого внимания требует употребление фразеологических сочетаний. Используя фразеологизмы, следует учитывать их семантику, образный характер, лексико-грамматическую структуру, эмоционально-экспрессивную и функционально-стилевую окраску, а также сочетаемость фраземы с другими словами в составе предложения.

Немотивированное отступление от этих требований приводит к речевым ошибкам, аналогичным тем, которые наблюдаются в употреблении отдельных слов. Кроме того, в речи распространены немотивированное изменение состава фраземы (его сокращение или расширение, замена одного из компонентов без расширения состава фразеологизма или с одновременным его расширением) или структурно-грамматические изменения, а также искажение образного значения фразеологического сочетания. Стилистически немотивированные, непреднамеренные нарушения лексической сочетаемости приводят к неточности речи, а иногда к неоправданному комизму.

Восприятие цвета и его оценка – это явление субъективное, связанное не только с оптическими характеристиками самих оттенков цвета, но и с психофизиологическими процессами, происходящими при этом. Но в данном случае – цвета. Семантическая структура названий цвета выступает как “совокупность значений неоднородных по степени отвлеченности и степени семантической значимости, характер связи и зависимости, который устанавливается между основным (цветовым) значением и переносным”. Все цвета разделяются на ахроматические и хроматические. Цвета, которые не имеют собственно “цветовых” признаков, то есть не обладающие цветовым тоном, называются ахроматическими. Основными среди данных цветов будут белый и черный. Цвет, имеющий хотя бы ничтожный, еле уловимый красноватый, зеленоватый, синеватый или какой-либо иной оттенок, уже считается хроматическим. Это красный, зеленый, синий и желтый цвета. Слова-цветообозначения, выражающие жизненно необходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетаемым потенциалом. В силу своей семантической природы они приносят во фразеологизмы эмоционально-экспрессивное качество и образность. Прилагательные-цветообозначения характеризуются древним происхождением, семантическим богатством и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений. Способность цветообозначений сочетаться при создании фразеологических единиц с большим количеством слов свидетельствует об особой семантической продуктивности этой группы лексем. Не вызывающим сомнение фактом является направление развития спектра значений у слово-цветообозначений от конкретного к абстрактному, от признаков, присущих предмету, обладающему каким-либо цветом, к оценочным характеристикам таких реалий, которые могут в принципе и не совмещаться с самим понятием цвета. Широкое использование названий цвета в образовании фразеологизмов связано с переосмыслением самого понятия цвета с его символическим содержанием. Отрываясь от реальных предметных связей, слова-цветообозначения становятся условными и отвлеченными, определяя самые разнообразные понятия.

Сопоставительное изучение фразеологических оборотов с компонентом цветообозначения показывает, что не только лингвистические факторы определяют роль цветообозначений. Значение названий цвета зависит и от ряда экстралингвистических факторов: культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и сложной, но она всегда налицо. Преобладание одних и тех же наименований цветов в лексических и фразеологических единицах различных языков объясняется тем, что это главные, самые необходимые для общения цвета: “Если мы хотим понять друг друга, то для этого достаточно слов черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий как главных названий для наших ощущений”. Древность происхождения прилагательных-цветообозначений (таких, как белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, серый) также является причиной частого их употребления в лексике и фразеологии. Наиболее частотные слова обладают и наибольшей активностью. Активность – это способность слова к словопроизводству, словосложению, образованию фразеологизмов, полисемии. Все эти

факторы объясняют широкое употребление цветообозначений: белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый в составе фразеологических единиц английского, русского и татарского языков.

Восприятие цвета и его оценка – это явление субъективное, связанное не только с оптическими характеристиками самих оттенков цвета, но и с психофизиологическими процессами, происходящими при этом. Но в данном случае – цвета. Семантическая структура названий цвета выступает как “совокупность значений неоднородных по степени отвлеченности и степени семантической значимости, характер связи и зависимости, который устанавливается между основным (цветовым) значением и переносным”. Все цвета разделяются на ахроматические и хроматические. Цвета, которые не имеют собственно “цветовых” признаков, то есть не обладающие цветовым тоном, называются ахроматическими. Основными среди данных цветов будут белый и черный. Цвет, имеющий хотя бы ничтожный, еле уловимый красноватый, зеленоватый, синеватый или какой-либо иной оттенок, уже считается хроматическим. Это красный, зеленый, синий и желтый цвета. Слова-цветообозначения, выражающие жизненно необходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетаемостным потенциалом. В силу своей семантической природы они приносят во фразеологизмы эмоционально-экспрессивное качество и образность. Прилагательные-цветообозначения характеризуются древним происхождением, семантическим богатством и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений. Способность цветообозначений сочетаться при создании фразеологических единиц с большим количеством слов свидетельствует об особой семантической продуктивности этой группы лексем. Не вызывающим сомнение фактом является направление развития спектра значений у слово-цветообозначений от конкретного к абстрактному, от признаков, присущих предмету, обладающему каким-либо цветом, к оценочным характеристикам таких реалий, которые могут в принципе и не совмещаться с самим понятием цвета. Широкое использование названий цвета в образовании фразеологизмов связано с переосмыслением самого понятия цвета с его символическим содержанием. Отрываясь от реальных предметных связей, слова-цветообозначения становятся условными и отвлеченными, определяя самые разнообразные понятия.

Сопоставительное изучение фразеологических оборотов с компонентом цветообозначения показывает, что не только лингвистические факторы определяют роль цветообозначений. Значение названий цвета зависит и от ряда экстралингвистических факторов: культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и сложной, но она всегда налицо. Преобладание одних и тех же наименований цветов в лексических и фразеологических единицах различных языков объясняется тем, что это главные, самые необходимые для общения цвета: “Если мы хотим понять друг друга, то для этого достаточно слов черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий как главных названий для наших ощущений”. Древность происхождения прилагательных-цветообозначений (таких, как белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, серый) также является причиной частого их употребления в лексике и фразеологии. Наиболее частотные слова обладают и наибольшей активностью. Активность – это способность слова к словопроизводству, словосложению, образованию фразеологизмов, полисемии. Все эти факторы объясняют широкое употребление цветообозначений: белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый в составе фразеологических единиц английского, русского и татарского языков.

Переосмысление является одним из способов познания действительности в сознании человека и связано с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей

отраженных объектов на основе установления связей между ними. Техника переосмысления заключается в том, что старая форма используется для вторичного или третичного наименования путем переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов ФЕ или фразеологических вариантов соответственно на денотаты ФЕ или фразеосемантических вариантов.

Важнейшими типами переосмысления являются метафора и метонимия. Метафора – это перенос наименования с одного денотата на другой, ассоциируемый с ним, на основе реального и воображаемого сходства [Лингвистический энциклопедический словарь, 1980]. Механизм метонимических переосмыслений представляет собой перенос наименований явлений, предметов и их признаков по их смежности или по их связи в пространстве и времени [Арутюнова, 1990:30]. Метонимия обращает внимание на индивидуальную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других присутствующих с ним предметов (метафора обычно дает сущностную характеристику объекта). Уорфа следует считать родоначальником исследований, посвященных роли языковой метафоры в концептуализации действительности. Именно Уорф показал, что переносное значение слова может влиять на то, как функционирует в речи его исходное значение.

В современной лингвистике именно изучение метафорических значений в обыденном языке оказалось одним из тех направлений, которые наследуют “урфианские” традиции. Исследования, проводившиеся Дж. Лакоффом, М. Джонсоном и их последователями начиная с 1980-х годов, показали, что языковые метафоры играют важную роль не только в поэтическом языке, они структурируют и наше обыденное восприятие и мышление. Однако современные версии уорфианства интерпретируют принцип лингвистической относительности прежде всего как гипотезу, нуждающуюся в эмпирической проверке. Применительно к изучению языковой метафоры это означает, что на первый план выдвигается сравнительное изучение принципов метафоризации в большом корпусе языков разных ареалов и различной генетической принадлежности с тем, чтобы выяснить, в какой степени метафоры в отдельно взятом языке являются воплощением культурных предпочтений отдельно взятого языкового сообщества, а в какой отражают универсальные биопсихологические свойства человека.

Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать частью стандартного семантического инструментария языка.

С одной стороны, набор цветообозначений в языках мира не совпадает, т.е. непрерывный спектр разбивается каждым языком по-своему; с другой стороны, нейрофизиологические основы цветовосприятия универсальны и достаточно хорошо изучены. Жестко универсалистский подход к этой проблеме восходит к ставшей уже классической работе Б. Берлина и П. Кея Базовые цветообозначения (Basic Color Terms, 1969), в которой было выделено 11 так называемых базовых цветов и показано, что системы цветообозначений в языках мира подчиняются единой иерархии: если в языке имеется всего два базовых названия цвета, то это черный и белый, если три – то это черный, белый и красный. Далее, по мере увеличения в языке числа слов, обозначающих базовые цвета, к списку добавляются зеленый и желтый, затем последовательно синий, коричневый и, наконец, группа из четырех цветов – фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. В настоящее время в оборот исследований по цветообозначению вовлечено уже несколько сотен языков, в том числе языки Центральной Америки, Африки, Новой Гвинеи и т.д.

Рассмотрим ФЕ, содержащие в своей семантике элемент цветообозначения. В большинстве своем фразеологизмы английского языка являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Такие ФЕ связаны с обычаями и традициями английского народа или с реалиями и историческими фактами.

Blue stocking (презр.) – синий чулок (“собранием синих чулок” был назван адмиралом

Босковеном один из литературных салонов середины 18 века в Лондоне; причиной тому послужило появление известного ученого Бенджамина Спеллингфлита в этом салоне в синих чулках).

Важнейшим литературным источником фразеологических единиц является Библия. «О колоссальном влиянии, которое оказали на английский язык переводы Библии, говорилось и писалось много; в течение столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Англии книгой. Не только отдельные слова, но и целые идиоматические выражения (часто буквальные переводы древнееврейских и греческих идиомов) вошли в английский язык со страниц Библии. Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелегкой задачей».

Библейские ФЕ являются полностью ассимилированными заимствованиями. Фразеологизмы библейского происхождения зачастую сильно расходятся с их библейскими прототипами. Этот сложный и не изученный вопрос требует особо тщательного рассмотрения и выходит за рамки данной работы. «По числу фразеологизмов, обогативших английский язык, произведения Шекспира занимают второе место после Библии. Число их свыше 100». Такие ФЕ называются шекспиризмами, и, так как большее их число встречается в произведениях драматурга лишь однажды, форма их четко фиксирована. Пример одного из самых известных ФЕ взят из трагедии «Отелло»: the green-eyed monster (книжн.) – «чудовище с зелеными глазами», ревность.

Также, многие другие гениальные писатели обогатили английский язык и, в частности, его фразеологию. Среди них Джеффри Чосер, Джон Мильтон, Джонатан Свифт, Чарльз Диккенс, Вальтер Скотт и другие. Так, следующий фразеологизм впервые встречается в романе В. Скотта «Айвенго»: Catch/take smb red-handed – застать кого-либо на месте преступления, захватить с поличным.

На основе полученной выборки фразеологизмов можно сделать вывод, что в их состав в основном входят термины-цветообозначения более древнего происхождения, то есть наименования для тех цветов, которые составляют группу из 11 базовых оттенков спектра.

Как мотивирующая основа познавательной деятельности человека, эмоции составляют существенную часть его когнитивной системы, а процессы вербализации эмоций высвечивают основные механизмы функционирования человеческого мышления.

Любое эмоциональное состояние может быть активизировано, т.е. возбуждено, дополнено, подчеркнуто, или компенсировано соответствующими цветовыми сочетаниями. Абсолютное большинство исследований связи цветом и эмоций отличает особенность: «цвет вызывает эмоции», а не наоборот, поэтому цвета должны храниться в памяти точно в той же форме, как мы их видим. А.М. Эткинд провел серию исследований цветоэмоциональных значений у взрослых, опираясь на восемь цветов теста М. Люшера и 9 основных эмоций по К. Изарду (1980). В результате исследований Эткинд установил, что взаимосвязь цвета и эмоций является многоуровневой. Во-первых, цвета и их сочетания являются символами эмоций, их внешним воплощением, опредмеченной формой; во-вторых, эмоциональные состояния человека влияют на ситуативное отношение к цвету (изменения цветовой чувствительности, цветовых предпочтений и т.д.); в-третьих, устойчивые эмоциональные особенности (свойства) субъекта также находят свое отражение в различных вариантах цветовых предпочтений. Подобная полифункциональность цвета, с одной стороны, делает его уникальным средством изучения эмоциональной сферы человека, но с другой – лежит в основе неоднозначности в оценках наблюдаемых феноменов, что требует от исследователей особой тщательности при принятии решения относительно того, на каком конкретном уровне он рассматривает и анализирует эти феномены.

Поскольку существуют свои традиции восприятия цвета у разных народов, связанные с историческими, природными, социальными условиями развития того или иного этноса, способы лексического обозначения отдельных элементов цветовой картины мира также

зависят от определенных культурных традиций народа, ибо язык есть непосредственное отражение (воспроизведение) действительности, которое включает воображение и мышление; мы можем говорить в данном случае о существовании этнических (национальных) цветовых картин мира и лингвоцветовых картин мира, причиной возникновения которых является конфликт между культурными представлениями разных народов об окружающей их реальности.

Наряду с субъективным восприятием цвета индивидуумом существует и интерсубъективность в отношении к различным цветам. В этом случае мы имеем дело с символикой цвета. Способность отдельных цветов выступать в качестве символа чего-либо связана с особенностями взаимодействия цвета с сознанием и ощущениями человека. Говоря о символике цвета, следует отметить, что существует мнение, согласно которому, «цвета играют информативную роль в окружающей среде и поэтому стали общими символами для обозначения различных понятий и явлений». Цветовая символика обладает способностью меняться от языка к языку, от одного языкового сообщества к другому: «Своя символика есть у каждого народа-носителя языка. С каждым языком связываются определенные представления, впечатления, чувства». Роль цвета в символике различных народов велика. Цвет воздействует на психику человека, поэтому в языках и культурах многих народов определенные цвета имеют символическое значение. В этом проявляются как универсальные черты, свойственные всем языкам, так и специфические особенности, отличающие их друг от друга. Среди основных источников возникновения цветовой символики исследователь Л.Г. Бедоидзе выделяет следующие: конкретные условия быта и окружающего мира, обычаи и традиции народа, религиозные воззрения данного конкретного языкового сообщества и политические взгляды. Большое значение в становлении системы цветообозначений имеет различная потребность людей в обозначении разных групп тонов, связанная с частотой проявления оттенков цветов в окружающей природе и с практическими нуждами языкового коллектива. Важную роль в этом играют также и отличия в ассоциативном восприятии мира представителями различных национальностей и культурно-исторических эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая, А. Понимание культур посредством ключевых слов. – М., 2001.
2. Манакин, В.Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знания, 2004.
3. Морковкин, В.В. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев: Сб. статей / Под. ред. В.В. Морковкина. – М., 1984.

REFERENCES

1. Vezhbitskaya A. *Ponimaniye kul'tur posredstvom klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow. 2001 (In Russ.).
2. Manakin V.N. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. K. 2004 (In Russ.).
3. Morkovkin V.V. *Semantika i sochetayemost' slova // Sochetayemost' slov i voprosy obucheniya russkomu yazyku inostrantsev: Sb. statey. Pod. red. V.V. Morkovkina* [Semantics and word compatibility. Word compatibility and questions of teaching the Russian language to foreigners: Collection of articles. Edited by V.V. Morkovkin]. Moscpw. 1984 (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 08.06.24

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL SYSTEMS OF THE LANGUAGE

O.V. Markova, Lecturer

Moscow State Pedagogical University (Moscow), Russia

***Abstract.** This article analyzes the role of the laws of lexical compatibility and metaphor in comparative studies. The factors of word compatibility are considered.*

***Keywords:** lexical compatibility, the role of metaphor, comparative studies, figurative meaning, semantic relations.*

УДК 80

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

И.С. Пономарев, доктор филологических наук

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург), Россия

***Аннотация.** Одним из главных элементов человеческого знания о мире является знание о цветовой окрашенности предметов, окружающих человека, и формирующих его психику, его внутренний мир. Данная статья посвящена изучению истории развития и обогащения системы цветообозначений. Исследуется цвет в лингвистике. Также автор затрагивает гипотезу Сепира-Уорфа и эксперимент Берлина-Кея.*

***Ключевые слова:** цветолексика, система цветообозначений, язык, лингвистика.*

С давних времен цвет был тесно связан со многими ремеслами. Обширными были не только области применения цвета, но и научные его изыскания. Благодаря этому нам известно многое о цвете из физики и оптики, а также физиологии и теории восприятия. Не случайно, что при изучении цвета в лингвистике ученые обращаются к понятиям и терминам, заимствованным из других наук, опираются на сведения о феномене цвета, полученные из смежных дисциплин, а также данные об его источниках, распространении и значении в тех или иных областях культуры, искусства и промышленности, об особенностях использования цветовых характеристик разных объектов в различных сферах человеческого бытия.

Одним из главных элементов человеческого знания о мире является знание о цветовой окрашенности предметов, окружающих человека, и формирующих его психику, его внутренний мир. В системе языка цветковые прилагательные представляют наиболее структурированный фрагмент лексического строя, в течение многих десятилетий привлекающий внимание исследователей различных направлений гуманитарных наук. В собственно лингвистических исследованиях цветолексики основное внимание уделяется значительности роли номинаций цвета в формировании языковой картины мира, его концептуализации и месту цветовой лексики в процессах познания. Несмотря на значительное число работ, посвященных изучению цветковых прилагательных в различных ракурсах, их изучение не потеряло своей актуальности.

Если рассматривать цвет с точки зрения физического подхода, то определение цвета в физике (согласно световой теории Ньютона) сводится к тому, что каждый цвет представляет собой световую волну, имеющую определенную длину. Таким образом, цвет – это световой поток, который при пересечении с поверхностью какого-либо объекта преломляется или разлагается на множество оттенков, составляющих цветовой спектр, каждый из которых отличается своей длиной волны.

Начало научной рефлексии относительно феномена цветового значения Нового времени можно отнести к трактату И.В. Гёте “О цвете” и к его тезису о “чувственно-нравственном действии цвета” [И.В. Гете, 1957:45]. Это утверждение противоречит мнению физиков о природе цвета. Если цвета наделены значениями, т.е. несут некое психологическое содержание, их изучение требует выхода за пределы строго механистического каузального подхода, сформулированного в классической физике.

Волновая теория происхождения цвета явилась основой для непрекращающихся споров о том, что первично: цвет или свет и существует ли цвет в природе вообще или это только отражательная способность поверхностей, окружающих человека объектов. Дж. Лакофф в своей работе “Женщины, огонь и опасные вещи”, например, придерживается той

точки зрения, что цвета в объективном мире вообще нет. По его мнению, цвет – это субъективная категория, которой не существует в природе: “...было бы ошибочным утверждать, что присущие человеку категории объективно существуют “в мире”, внешнем по отношению к человеческим существам. Например, цветовые категории детерминированы одновременно и объективным материальным миром, и особенностями биологии человека, и человеческим мышлением, и культурными факторами” [Дж. Лакофф 1996: 166].

Физиологический (нейрофизиологический) подход уходит корнями в физический подход и тесно связан как с ним, так и с физиологией и нейрофизиологией человека – строением его мозга и зрительных органов. В рамках этого подхода цвет тоже понимается как световой поток, который в виде светового луча, пересекаясь с сетчаткой глаза и хрусталиком, работающим как призма, раскладывается на определенную цветовую гамму и фокусируется в разных зонах коры головного мозга. Считается, что в коре головного мозга есть четыре цветовых зоны, которые нейрофизиологически запрограммированы. Это зоны красного, желтого, зеленого и синего цветов, то есть любой человек с самого рождения способен воспринимать и различать эти цвета. Это объясняется тем, что “цветовое пространство, как перцептивное, так и семантическое, жестко детерминировано структурой сенсорного механизма, определяющего восприятие цвета четырьмя системами преддетекторов: красно-зеленого, сине-желтого, яркости и темноты”.

Важно также иметь в виду то, что цветовое зрение формируется в разных климатических условиях и при разном образе жизни. Поэтому даже древний человек понимал, что один и тот же объект при дневном и ночном освещении будет иметь разную цветовую окраску. Это отличие цветовосприятия обуславливается на уровне нейрофизиологии. При очень низкой освещенности человек может различить только крупные формы.

Цвет становится интересным предметом рассмотрения и в области философии. В своей работе “Человеческое познание” Б. Рассел рассматривает понятие минимального словаря, который должен структурно составлять более сложные образования, то есть все наше знание могло бы быть выражено с помощью слов, обозначающих простые элементы. Мы могли бы различать в мире так называемый материал и его структуру. Цветовые термины используются автором в качестве примера особого атрибута материи. Он рассматривает значение слова “красный”, определяя его как оттенок цвета, лежащий в определенной части спектра, как некий диапазон волн и как волны с определенными длинами. Прибегая к таким определениям цвета, Рассел указывает, что их точность иллюзорна, так как определение цвета через длину волны никак не связано с ощущением. Названия цветов употреблялись в течение многих тысячелетий до изобретения волновой теории света. Сам автор для четкого определения цвета предлагает ввести пространственно-временной аспект. Другими словами, различие в оттенках цветов, согласно его точке зрения, зависит от пространственно-временного положения цветового пятна в зрительном поле наблюдающего. По его мнению, не может быть двух идентичных оттенков цвета, так как один и тот же оттенок не может существовать в двух областях одного зрительного поля с равной степенью удаленности от его центра.

В психологии наиболее часто рассматривается символическая природа цвета, как это представлено при феноменологическом подходе. Во все времена ученые пытались разгадать проблему цвета. Последние научные исследования в этой области показали, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор – у каждого свой, именно поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, а воспринимать его совершенно по-разному. Это объясняет, почему существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах: например, green (зеленый) в США ассоциируется с понятием безопасности, а во Франции – преступления, во многих германских языках данный цвет имеет значение “веселье”, как это доказано в специальных исследованиях. Следовательно, цветовой язык ментален по своей природе: за определенным цветом люди

видят определенные смыслы. Отправным в психосемантике цвета является тезис о существовании у цветов естественных (натуральных) значений, природа которых представляется во многом загадочной, а источники находятся вне культурно-исторического поля.

По наблюдениям ученых, по мере развития и обогащения человеческого опыта происходило развитие и обогащение системы цветообозначений. Можно назвать различные источники ее пополнения. В истории мировой культуры можно выделить несколько периодов, когда накопление цветоименований в европейских языках происходило наиболее активно. Особое место занимает при этом период научно-технической революции и последующего развития промышленности, в частности, ткацкой и красильной, когда создавались множество новых оттенков цвета неизвестных и невозможных до того момента, что, как результат, повлекло обогащение цветовой терминологии.

Начиная с шестнадцатого века, активным источником развития цветообозначений стала литература, особенно поэзия, где создание различных поэтических образов требовало все новых и новых наименований, в том числе и цветowych. М.А. Бородинa и В.Г. Гак справедливо отмечают, что “расширение словаря цветообозначений было вызвано также эстетическими потребностями развивающейся литературы, в первую очередь поэзии, создавались поэтические синонимы общеупотребительных цветowych терминов...” [Бородинa, Гак 1979: 151]. В ходе дальнейшего развития художественной речи постепенно увеличилось богатство цветowych выражений, обозначающих различные нюансы одного и того же цвета. “Если представить само развитие колоризма в литературе в виде графика, то кривая оказывается волнообразной, с большими падениями и подъемами, и все же неуклонно стремящейся вверх; причем высшими точками подъема этой кривой является эпоха романтизма и особенно конец XIX века и начало XX веков” [Мичугина 2005: 138]. Таким образом, достижения в разных областях деятельности человека в отмеченный период отразились в количественном и качественном составе лексики европейских языков.

Еще одним источником обогащения лексики цветообозначений явились литературные заимствования из некоторых языков. “...Известно, что французский язык XVII века “снабдил” многие европейские языки словами культурного слоя, включающими и термины цвета” [Василевич 2003: 13]. Другая волна заимствований произошла в конце XIX века в связи с влиянием французской моды на Европу; оказала влияние на этот процесс и торговля с Востоком, в результате которой были заимствованы имена цвета, образованные от названий масти лошадей. Так, например, из тюркского языка в русский пришли такие цветообозначения, как чалый, чагравый, каурый, мухортый, из иранского – бурый, из монгольского – халтарый, халюный, халваный [Дыбо 2007: 15-16].

Особенностью данной тематической группы слов признается то, что в отличие от других объединений слов, где нередко даже сама тематическая классификация представляет несомненную трудность, они имеют непосредственное соотношение с экстралингвистической реальностью – цветowym спектром. Термин “цвет” можно рассматривать с двух точек зрения:

- 1) совокупность всех видимых оттенков;
- 2) конкретный оттенок.

Если совместить термины “психология”, “семантика” и “цвет”, то получится наука, изучающая “душевное значение” отдельных оттенков цвета и цвета как целого. Основная проблема психосемантики цвета распадается на два тесно связанных теоретических аспекта:

- 1) вопрос о роли восприятия цвета для человека (онтология и прагматика);
- 2) исследование структуры конкретных цветowych значений (семантика и семиотика цвета).

В психологии наиболее часто рассматривается символическая природа цвета, как это представлено при феноменологическом подходе. Как говорил Л. Витгенштейн, “цвет побуждает нас философствовать” [Витгенштейн 1996: 57]. Во все времена ученые пытались

разгадать проблему цвета. Последние научные исследования в этой области показали, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор – у каждого свой, именно поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, а воспринимать его совершенно по-разному. Это объясняет, почему существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах: например, green (зеленый) в США ассоциируется с понятием безопасности, а во Франции – преступления, во многих германских языках данный цвет имеет значение “веселье”, как это доказано в специальных исследованиях. Следовательно, цветовой язык ментален по своей природе: за определенным цветом люди видят определенные смыслы [Ананьев 1969: 105].

Отправным в психосемантике цвета является тезис о существовании у цветов естественных (натуральных) значений, природа которых представляется во многом загадочной, а источники находятся вне культурно-исторического поля. Мысль о существовании особых значений цветов не принадлежит психологам. В той или иной форме эта мысль встречается в древнеиндийских, алхимических, мистических, религиозных текстах; она воплощена в ритуальной практике всех религий и связанном с ней прикладном искусстве (иконы, орнамент, символическое письмо); проявилась в многочисленных схемах цветового символизма в практике традиционной восточной медицины, магии, астрологии и т.п.

Главная методологическая предпосылка психосемантического подхода состоит в том, что наличие и специфика цветовой семантики отражают бытие человека в мире, контакт субъекта с миром, обеспечивая адекватное отражение объективной реальности на различных уровнях репрезентации субъекту образа этой реальности. Но в настоящее время цвет принято рассматривать не как свойство вещей, а как субъективное ощущение. Это требует ввести второе онтологическое допущение – о существовании цвета не только в форме субъективных ощущений и образов, но и как объективного аспекта реальности, предметного свойства объектов. В психосемантике цвета данный феномен последовательно рассматривается как один из атрибутов объективной действительности [Гегель, 1977; Гёте, 1920; Schechtel, 1943; Рубинштейн, 1973; Свасьян, 1983], несводимый к характеристикам субъективного ощущения. Вместе с тем цвет рассматривается не в аспекте закономерностей цветоразличения, как это принято в психофизиологии или колориметрии [Стивенс, 1960; Ивенс, 1964; Пэдхем, Сондерс, 1978; Соколов, Измайлов, 1984; Шашлов, 1986 и др.], а в аспекте доступности его интерпретации, в его соотносительности с неперцептивными категориями, такими как физиологические реакции, эмоции, чувства, идеи, установки, морально-этические категории, т.е. так, как он столетиями рассматривался художниками.

Проблема цвета в последние десятилетия активно разрабатывается в различных сферах научного знания. Особое внимание данной проблеме уделяется в лингвистике. Лингвисты, занимаясь изучением слов-цветообозначений, рассматривают их в разных аспектах. В частности, имена цвета изучаются: а) с точки зрения их происхождения; б) с точки зрения их семантического развития; в) в русле исторической лексикологии; г) в плане сопоставления по различным параметрам русских наименований цвета с цветообозначениями в других языках – родственных и неродственных; д) в других, кроме русского, языках, например, западноевропейских; е) с позиции теоретической семантики. Но при всем многообразии работ и подходов к изучению имен цвета, имеется целый ряд лакун, которые еще предстоит заполнить.

Уровень развития современной лингвистической науки, новые данные, получаемые в ходе ее развития, позволяют внести определенные коррективы в историю отдельных, уже изучавшихся ранее другими исследователями, обозначений черного и белого цветов, предложить новые гипотезы относительно происхождения ряда цветообозначений. Но, чтобы предложить эти гипотезы относительно восприятия этих цветов в различных языках и культурах, следует обратиться к психологическому аспекту цвета, так как лингвистика и психология неразрывно связаны. Итак, согласно психолингвистике, цвет влияет на

физиологические системы человека, активизируя или подавляя их деятельность, цвет создает то или иное настроение, внушает определенные мысли и чувства. Воздействие цвета можно разделить на физиологическое, психологическое и эстетическое; этими факторами обусловлены цветовые ассоциации, семантика и символика цвета. Несмотря на очевидные связи с человеческой нейрофизиологией, значения названий цвета (как и значения обозначений эмоций) представляют собой артефакты культуры. Ведь они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретно национального характера. Цветовая палитра рассматривается как один из смысловых параметров, имеющий содержательное значение для организации поиска значимых (вербальных и невербальных) компонентов в содержательно интегративных художественных текстах. Понимание значения цвета и умение установить его культурные и эмоциональные коннотации имеют огромное значение для системного семантического анализа художественного текста, поскольку цвет и цветовые сочетания помогают воспринять тональность сообщения, его суть, а также вызвать нужную реакцию читателя.

К основным психосемантическим характеристикам цветоразличения относят тон, светлоту (яркость) и насыщенность, заимствованные из физики. Главный компонент – тон (основной цвет), зависимые компоненты – насыщенность, яркость. Любое имя цвета содержит указание на цвет в собственном смысле, но нет таких имен цвета, которые бы содержали информацию о яркости или насыщенности без указания относительно тона. Из выводов, приведенных П.В. Яньшиным в книге “Эмоциональный цвет”, следует, что наиболее привлекательными цветами с положительным значением считаются цвета средней яркости и насыщенности, а предпочтение их выбора напрямую зависит от того, светлый он или темный [П.В. Яньшин, 1997:120]. Очевидно, что цвет – это не только свет, которого должно быть достаточно, это еще и мнение, а значит функция многих переменных, а не одной лишь длины волны. Цветообозначение, возможно, в большей мере, чем какая-либо сфера языка, антропоцентрично и этноцентрично – оно имеет некое специфическое измерение в языке, релевантное в аспекте коммуникативной значимости.

Цветообозначения представляют собой, по терминологии Пирса, “образные иконические знаки”, характеризующиеся “фактическим подобием означаемого и означающего”. Лексемы типа “черный”, “белый” и т. д. относятся к базовым категориям человеческого мышления и содержат такое количество информации об объекте или явлении, которого оказывается достаточно для большинства ситуаций, в которых человек с ними встречается [Р.М. Фрумкина, 1990:87].

В лингвистических исследованиях существуют различные подходы к определению цветообозначений. Проанализированная нами лингвистическая литература позволяет сделать вывод о том, что можно выделить шесть основных направлений изучения цветообозначений: функциональный, исторический, лексико-семантический, грамматический, когнитивный и сопоставительный.

Функциональный подход. В настоящее время существуют многочисленные исследования, посвященные описанию функционирования цветообозначений в художественных текстах, например, Тойшибаева 1990; Губенко 1999; Лысоиваненко 2001; Лукьяненко 2004; Меньчева 2004 и др. Это связано с тем, что цветопись является одним из неотъемлемых элементов идиостиля писателя, поэта. Цветообозначения помогают авторам раскрывать идею произведения, создавать определенный эмоциональный настрой, рисовать образы героев. В рамках данного подхода цветообозначения могут рассматриваться как интенсификаторы выразительности и образительности речи и соотноситься с рядом тропов и стилистических фигур, являющихся актуализаторами прагматики высказывания.

Исторический подход предполагает исследование истории отдельных слов и групп слов, называющих цвет, изучение процесса формирования групп цветообозначений, а также их состава в тот или иной период развития языка. Кроме того, ученых стала интересовать проблема поиска семантического первоэлемента, позволяющего детально описать историю

семантики цветowych слов. По нашему мнению, знать историю изучаемой группы слов, их происхождение необходимо, потому что такие знания являются основанием, на котором базируются современные теории концептуального изучения цветowych слов.

Лексико-семантический подход обращает внимание на современное состояние системы цветообозначений: рассматриваются процессы развития семантической структуры отдельных цветов, формирование дополнительных к основному образных, символических значений у цветообозначений, становление лексико-семантических групп цветowych слов. Это позволяет на основании общности значений распределить цветowych слова по группам, а также выявить цветообозначения, употребленные в художественной речи в прямом и переносном значении.

Грамматический подход предполагает рассмотрение морфологических и синтаксических особенностей цветообозначений. Знание морфологической, синтаксической специфики указанной группы слов позволит в некоторых случаях определить, в какой образной функции будет реализован колоратив.

Когнитивный подход тесно связан с семантическим и через него выводит исследователей в круг проблем ментальной осмысленности цвета.

Сопоставительный подход позволяет получить информацию о сходстве или различии цветowych спектров разных языков, о национально-специфических, лингвокультурных особенностях цветообозначений, о понятийных моделях видения мира, моделях интерпретации мира в отдельных языках. Обозначенный подход является продолжением когнитивного, и целесообразен в кругу сегодняшнего интереса к эффективному межкультурному сотрудничеству. Помимо уточнения семантики конкретных терминов цвета или построения систем цветообозначения в разных языках, цветоименования активным образом привлекались в качестве материала для работы в таких областях, как отработка методов выделения семантических полей, этимология и история языка, проблемы языка и мышления, проблемы детской речи.

Среди перцептивных признаков, зафиксированных человеком в ходе концептуализации и категоризации мира, на первое место по своей значимости выдвигаются зрительные, визуальные признаки, а среди них важное место занимают признаки цвета.

Категория цвета в английском языке является динамичной и постоянно развивающейся. Расширение категории происходит как по определенным семантическим, так и словообразовательным моделям. Роль цветообозначений в лексиконе современного английского языка определяется также их местом в дефинициях слов нецветовой лексики, когда цветообозначения выполняют идентифицирующую или классифицирующую функцию внутри самой дефиниции.

Базовые цветообозначения занимают особое место в общей системе цветообозначений английского языка. Они выполняют огромную словообразовательную роль, так как входят в качестве основы в многочисленные производные и сложные по структуре прилагательные цвета в английском языке. Базовые термины цвета чаще всего выполняют идентификационную и классифицирующую функцию при лексикографическом описании цветowych характеристик различных объектов.

Вся совокупность цветообозначений в английском языке может быть представлена в виде денотативного пространства со строгой системой его организации. Денотативное пространство прилагательных цвета формируется вокруг ядерных центров, выраженных базовыми цветообозначениями. Каждое из них образует свое субпространство с нечеткими размытыми границами и переходными зонами. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке делится на одиннадцать зон, представленных в языке неравномерно. Практически равное соотношение имеют зоны прилагательных цвета yellow (16 %), brown (13 %), red (13 %), white (13 %), blue (12 %), grey (11 %), следующую же ступень занимают зоны прилагательных green (6 %), black (5 %), pink (5 %) и практически точечное долевое положение имеют зоны прилагательных orange (3 %) и purple (3 %), что

ставит под сомнение их полновесный статус как базовых терминов цвета, выделяемых в английском языке.

В русском же языке, по мнению многих исследователей наименований цвета, к гамме основных следует причислить ещё и голубой цвет. Группа основных цветообозначений состоит из 12 цветов. Для обозначения синего цвета существует два основных названия – синий и голубой. Вполне понятно, что есть ряд универсальных явлений, связанных с общечеловеческой картиной мира. Однако нельзя забывать и о наличии национальных особенностей, присущих только данной культурной общности людей.

Лингвисты единодушно признали значительно более позднее происхождение слова синий по сравнению со словом голубой. Согласно словарю Фасмера, русск. синий восходит к др.-инд. śūmās “темный, черный”. Действительно, на ранней стадии развития языка понятия “черный” и “синий” не различались, хотя слово “синий” и имело достаточно узкую сочетаемость (водные источники и некоторые природные явления). Светлый оттенок синего цвета, напротив, был весьма распространен. Становилась очевидной потребность в названии светло-синего оттенка словом, не связанным на прямую с термином синий. Вследствие чего стали появляться слова, выражающие голубые оттенки.

Рассматриваемые нами черный и белый цвета относятся к базовым цветоименованиям как в русском, так и в английском языках, так как они относятся к основной системе цветообозначений, поскольку являются многозначными, характеризуются высокой частотностью и широкой сферой употребления, символичным значением, отсутствием внутренней формы и односоставностью.

Гипотеза лингвистической относительности предполагает, что структура языка влияет на мировосприятие и воззрения его носителей, а также на их когнитивные процессы. Лингвистическая относительность широко известна как гипотеза Сепира-Уорфа.

Идея лингвистической относительности (или лингвистического релятивизма) в основных чертах была сформулирована в работах мыслителей XIX века, например, Вильгельма Гумбольдта, считавшего, что язык является воплощением духа нации. В начале XX века представители американской школы антропологии, возглавляемой Францем Боасом и Эдвардом Сепиром, приближались к этой гипотезе, но именно Сепир в своих работах чаще остальных критиковал лингвистический детерминизм. Студент Сепира, Бенджамин Ли Уорф был одним из наиболее активных сторонников этой теории; он опубликовал свои работы о том, какое влияние лингвистические различия оказывают на человеческое познание и поведение. Гарри Хойджер, один из студентов Сепира, сам ввёл термин «гипотеза Сепира-Уорфа».

Строгая версия лингвистической релятивистской теории была разработана в начале 1920-х годов немецким лингвистом Лео Вайсгербером.

Принцип лингвистического релятивизма Уорфа был переформулирован в виде научной гипотезы психологом Роджером Брауном и лингвистом Эриком Леннебергом, проводившим эксперименты, чтобы выяснить, зависит ли цветовое восприятие участников эксперимента от того, как классифицированы цвета в их родных языках. Когда изучение универсальной природы языка и познания оказалось в центре внимания в 1960-х годах, лингвисты утратили интерес к идее лингвистического релятивизма. В конце 1980-х годов представители новой школы лингвистического релятивизма, изучая последствия, которые влекут за собой различия в лингвистической категоризации познания, смогли предоставить широкую экспериментальную поддержку для недетерминистских версий гипотезы.

С проблемой изучения цветообозначений в лингвистике тесно связана гипотеза Сепира-Уорфа, или гипотеза лингвистической относительности, которая возникла в лингвистике США под влиянием трудов Э. Сепира и Б. Уорфа. По их мнению, язык и образ мышления народа взаимосвязаны. Овладевая языком, его носитель усваивает определенное отношение к миру, отраженное в структурах родного языка. Поскольку языки по-разному классифицируют окружающую действительность, то и их носители различаются по способу

отношения к ней. “Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает пред нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании” [Whorf 1933: 213].

Следствием признания гипотезы лингвистической относительности является признание того, что язык хранит в себе определенную систему ценностей, а выражаемые в нем значения складываются в коллективную философию, свойственную всем носителям данного языка. Другими словами, в сознании говорящего существует ряд базовых прототипических референтов, которые он использует при назывании того или иного цвета. Возможно, данное утверждение верно, но для более поздних цветообозначений, которые возникают по модели “такой по цвету, как ...” (коричневый – цвета корицы; англ. navy – цвета одежды флота и т.д.). Однако можно предположить, что для архаического мышления было характерно особое синкретическое осознание.

Существуют различные точки зрения по вопросу того, что лежит в основе цветообозначений. В опровержение гипотезы Сепира – Уорфа английские ученые Б. Берлин и П. Кей провели ряд исследований и пришли к выводу, что процесс возникновения и развития цветоименований в различных языках является своего рода языковой универсалией. Б. Берлин и П. Кей изучали этимологию цвета и описали свои исследования в книге “Основные цветовые термины” [Берлин, Кей 1949: 156]. Они пришли к выводу, что 95 % цветов происходят от названий предметов и лишь 5 % слов не имеют четкой этимологии. В ходе исследования данными учеными также были открыты универсальные прототипы для определения одиннадцати основных цветообозначений, а также универсальная последовательность возникновения цветовых категорий в языках мира. Их исследование начинается с двух процедур применения правила ограничения рассматриваемых данных. Первое, “цветовая” классификация состоит у них в членении перцептивного пространства, заранее предопределенном понятиями тона, интенсивности и насыщенности (таким образом, сужается референциальный спектр понятия “цвета” как он понимается, по крайней мере, в некоторых культурах). Эксперимент проводился на материале 20 языков из разных языковых групп. Ученые ставили своими задачами выяснить:

- 1) какие именно оттенки оцениваются носителями выбранных языков как представляющие основной цвет, а какие представляются как переходные, смешанные;
- 2) какой оттенок в максимальной степени отражает представления о типичном цвете;
- 3) о каких цветах представления тестируемых наиболее согласованны, а о каких – размыты.

Из цветового спектра были выделены 330 оттенков. При этом 10 из них являлись ахроматическими (белый, серый, черный и т.д.). В эксперименте участвовало две фокус-группы, куда входили представители обоих полов разных возрастов. Эксперимент предваряла диагностика цветового зрения испытуемых. К исследованию были допущены участники только с нормальным цветовым зрением.

Участникам первой фокус-группы показывали цветовую таблицу. На ней нужно было отметить ячейки, которые наиболее полно соответствовали понятию какого-либо цвета. Затем испытуемых просили обозначить ту ячейку таблицы, в которой находится наиболее типичный пример цвета.

Испытуемые второй группы опрашивались на предмет того, какими словами они пользуются в речи, когда хотят назвать тот или иной оттенок. После этого с названиями проделывалось тоже, что и с цветами в первой группе: выделялось слово, наиболее полно соответствующее понятию какого-либо цвета, отмечался типичный оттенок.

Критерии выбора основного цветового понятия были следующими:

- термины должны были быть моноксемными, т.е. его значение нельзя образовать путем суммирования значений других цветовых понятий;

- невключаемость понятия в названия других цветов;
- широкая сочетаемость;
- психологическая “очевидность”, интуитивная понятность для респондента.

В результате эксперимента Берлин и Кей пришли к следующим выводам:

1. Существует единый набор из 11 базовых цветов для всех выбранных языков (белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый).

2. Если в языке присутствовали названия для меньшего, чем 11 числа цветов, эти названия были строго определенными:

- а) все языки содержали названия для черного и белого цветов;
- б) если в языке было 3 цветоименования, среди них обязательно было слово “красный”;
- в) если в языке было 4 цветоименования, среди них обязательно были слова либо “зеленый”, либо “желтый”;
- г) если в языке было 5 цветоименований, среди них обязательно были слова “зеленый” и “желтый”;
- д) если в языке было 6 цветоименований, среди них обязательно было слово “синий”;
- е) если в языке было 7 цветоименований, среди них обязательно было слово “коричневый”;
- ж) если в языке было 8 и более цветоименований, среди них обязательно были слова “фиолетовый”, “розовый”, “оранжевый” или “серый”.

Берлином и Кеем был также выдвинут ряд предположений.

- Добавление или утрата термина цветообозначения происходят в определенной иерархической последовательности;
- Науке неизвестен ни один случай утраты термина цветообозначения;
- Число терминов цветообозначения зависит от экономического и культурного развития страны рассматриваемого языка, степени изоляции и других экстралингвистических факторов [Берлин, Кей 1949].

Факт существования языковых универсалий, связанный с терминами цветообозначения у многих ученых вызывал сомнения. Прежде всего, они основывались на том, что Берлин и Кей использовали для исследования в основном языки народностей с относительно высоким уровнем развития. Например, 17 из 20 выбранных языков были письменными. Следовательно, велика вероятность того, что появление и развитие терминов цветообозначения – это случайное явление. Каких-либо исследований и экспериментов для подтверждения или опровержения этой точки зрения проведено не было.

Конечно, верно, что значение номинаций цвета активно обсуждалось философами, поэтому лингвисты и психологи могут с большой пользой для себя обратиться к работам таких мыслителей, как Д. Локк и Г. Витгенштейн. Однако решающее различие состоит в том, что философов интересовал язык, лингвисты же (как таковые), интересовались языками. Для лингвиста проблема состоит не только в том, чтобы понять, что значат (например, английские) слова red и blue, или что означает японское слово ao (синий, но гораздо большего диапазона, чем английское blue). По мнению А. Вежбицкой, соответствия, такие, как русск. голубой = blue или нем. blau = blue или синий = blue, безусловно, неадекватны, так как область применения каждого слова своя в каждом из языков, и она не может быть точно установлена на основании подобных процедур межязыкового сопоставления.

Традиция использования слов, обозначающих цвет, в качестве важного экспрессивного средства также уходит в далекое прошлое. В древнейших текстах цветообозначения выполняли прежде всего функцию символическую. Цвет, в силу своей природной значимости для человека, обусловленной важностью для него того предмета или явления, которое этим цветом наделялось, не воспринимался эстетически, а слова, его называющие, не использовались для живописания мира. В древнем тексте неуместными были

индивидуализированный портрет и живописный пейзаж – отсюда и слабая насыщенность текстов цветообозначениями. “Если цветовой признак извлечён и показан в поэтическом плане как важное свойство, тогда такой признак – не просто цвет... он символ”.

Цветовая палитра рассматривается как один из смысловых параметров, имеющий содержательное значение для организации поиска значимых (вербальных и невербальных) компонентов в содержательно интегративных художественных текстах. Понимание значения цвета и умение установить его культурные и эмоциональные коннотации имеют огромное значение для системного семантического анализа художественного текста, поскольку цвет и цветовые сочетания помогают воспринять тональность сообщения, его суть, а также вызвать нужную реакцию читателя. Этим руководствуются авторы при создании своего художественного мира.

При исследовании цветообозначений в языкознании ученые обязательно должны опираться на сведения о феномене цвета, полученные из смежных дисциплин, а также данные об его источниках, его распространении и значении в тех или иных областях культуры, искусства и промышленности, об особенностях использования цветовых характеристик разных объектов в различных сферах человеческого бытия. Известны следующие теории и подходы к определению цвета: 1) физический подход; 2) физиологический подход; 3) волновая теория; 4) теория эволюции цветоощущений. А также существует шесть основных направлений изучения цветообозначений: функциональное, историческое, лексико-семантическое, грамматическое, когнитивное и сопоставительное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гете, И.В. Трактат о цвете. Избранные сочинения по естествознанию / И.В. Гете. – М., 1957.
2. Уорф, Б.Л. Статьи. – Новое в лингвистике, вып. I / Б.Л. Уорф. – М., 1960.
3. Яньшин, П.В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта / П.В. Яньшин. – М., 2002.

REFERENCES

1. Gete I.V. *Traktat o tsvete. Izbrannyye sochineniya po yestestvoznaniyu* [A treatise on color. Selected essays on natural science]. Moscow. 1957 (In Russ.).
2. Worf B.L. *Stat'i. – Novoye v lingvistike, vyp. I* [Articles. New in Linguistics, vol. I]. Moscow. 1960 (In Russ.).
3. Yan'shin P.V. *Psikhosemanticheskiy analiz kategorizatsii tsveta v strukture soznaniya sub'yekta* [Psychosemantic analysis of color categorization in the structure of the subject's consciousness]. Moscow. 2002 (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 16.06.24

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE COLOR DESIGNATION

I.S. Ponomarev, Doctor of Philological Sciences
Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences (Saint-Petersburg), Russia

***Abstract.** One of the main elements of human knowledge about the world is the knowledge of the color coloration of objects surrounding a person and forming his psyche, his inner world. This article is devoted to the study of the history of the development and enrichment of the color designation system. Color in linguistics is investigated. The author also touches on the Sepir-Whorf hypothesis and the Berlin-Kay experiment.*

***Keywords:** color lexics, the system of color designations, language, linguistics.*

УДК 81

ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА

А.А. Макеев, старший преподаватель

ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет" (г. Москва), Россия

Аннотация. В данной статье анализируется фразеология как ключ к пониманию менталитета, а также роль законов лексической сочетаемости в сопоставительных исследованиях, роль языковой метафоры в концептуализации действительности, эмотивная составляющая цветообозначений в языковой картине мира и символика колороморфов в различных культурах.

Ключевые слова: фразеология, сочетаемость, метафора, менталитет, языкознание, цвет.

Роль законов лексической сочетаемости в сопоставительных исследованиях. Сочетаемость – свойство языковых единиц сочетаться в речи при образовании единиц более высокого уровня, отражающее синтагматические отношения между ними. Сочетаемость является одним из фундаментальных свойств единиц языка.

В зависимости от позиции сочетающихся единиц по отношению друг к другу выделяется контактная (при соположении единиц) и дистантная (на расстоянии) сочетаемость, в зависимости от определяющих факторов – обусловленная (определяемая наличием у языковых элементов тех или иных отличительных черт) и произвольная (определяемая лишь принятой нормой). Также различается формальная и семантическая сочетаемость; исследования последней стимулируются интересом к семантической стороне языка, поскольку семантическая синтагматика играет важнейшую роль в образовании смысла высказывания.

Законы и тенденции сочетаемости могут быть как универсальными, так и конкретно-языковыми. Нарушение законов второго типа ведёт к нарушению языковой нормы или изменению свойств сочетающихся единиц (в том числе и в качестве средства художественной выразительности).

Сочетаемость проявляется на различных уровнях. На фонемном уровне обусловленная сочетаемость проявляется в совместности или несовместности дифференциальных признаков звуков. Так, во многих языках глухие согласные не могут сочетаться со звонкими, твёрдые согласные – с гласными переднего ряда. В сочетаниях фонем с несовместимыми признаками они претерпевают комбинаторные (позиционные) изменения, например, оглушение, палатализацию.

В морфологии сочетаемость проявляется в комбинации морфем. С формальной точки зрения она состоит в использовании аффиксальных алломорфов, избирательно сочетающихся с корневыми морфемами (ср. русск. берёт, но горит) и морфонологических явлениях, в частности различных изменениях на морфемном шве.

С семантической точки зрения сочетаемость определяется совместностью значений морфем или значения лексемы со значением морфемы (граммемой); так, лексема, обозначающая считаемый объект, совместима с морфемой множественного числа, в то время

как обозначающая несчитаемый объект – несовместима. Присоединение несовместимой морфемы, если оно не нарушает норму, свидетельствует о десемантизации морфемы (русск. чернила), её переосмыслении (в русск. Снега окончание множественного числа показывает не множественность, а интенсивность) или о переосмыслении лексемы (воды).

Сочетаемость слов определяют следующие факторы:

Грамматические – принадлежность слов к тем или иным частям речи (к примеру, для английского языка подчинительное словосочетание двух существительных нехарактерно, но возможно при адъективации зависимого существительного или использовании служебного слова: *my brother's friend, the friend of my brother*);

Лексические – избирательность лексем (русск. Оказать сочетается с услугою, но не с заботу);

Семантические – семантическое согласование (требование, заключающееся в том, чтобы компоненты сочетания не имели противоречащих сем; в случае противоречия либо нарушается языковая норма, либо переосмысливается один из компонентов: *Весь дом говорил об этом*).

Лексическая сочетаемость слова – это его способность вступать в сочетания не с любым словом из какого-либо семантического класса, а только с некоторыми. Например, существует класс слов, объединяемых общим смыслом множество, совокупность: стадо, табун, стая, рой, косяк и т.п. При необходимости обозначить множество каких-нибудь животных мы не можем сочетать название любого животного с любым из этих слов. Говорят: стадо коров, табун лошадей, стая птиц, рой пчел, косяк рыбы (но не “стая рыбы или рыб”, “стадо пчел”, “рой лошадей” и т.п.). Причину подобного разнообразия можно усмотреть в реальном многообразии обозначаемых предметов, веществ и явлений: так, коровы и птицы, лошади и пчелы, пчелы и рыбы столь различны по самой своей природе, что и удивляться нечего разному “поведению” соответствующих слов в сочетаниях с другими словами. Но и в случае, когда речь идет не о конкретных вещах, а, скажем, об отношениях или действиях (т.е. о лексике отвлеченной, абстрактной), сочетаемость слов лексически обусловлена.

Избирательность языка в словесных сочетаниях порождает его идиоматичность, национальную самобытность и выразительность. Эти свойства формируются веками, в процессе длительного употребления слова. Они отличают один язык от других и составляют главную трудность при овладении языком.

Фразеология как способ понимания менталитета

Восприятие цвета и его оценка – это явление субъективное, связанное не только с оптическими характеристиками самих оттенков цвета, но и с психофизиологическими процессами, происходящими при этом. Но в данном случае – цвета. Семантическая структура названий цвета выступает как “совокупность значений неоднородных по степени отвлеченности и степени семантической значимости, характер связи и зависимости, который устанавливается между основным (цветовым) значением и переносным”. Все цвета разделяются на ахроматические и хроматические. Цвета, которые не имеют собственно “цветовых” признаков, то есть не обладающие цветовым тоном, называются ахроматическими. Основными среди данных цветов будут белый и черный. Цвет, имеющий хотя бы ничтожный, еле уловимый красноватый, зеленоватый, синеватый или какой-либо иной оттенок, уже считается хроматическим. Это красный, зеленый, синий и желтый цвета. Слова-цветообозначения, выражающие жизненно необходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетаемым потенциалом. В силу своей семантической природы они приносят во фразеологизмы эмоционально-экспрессивное качество и образность. Прилагательные-цветообозначения характеризуются древним происхождением, семантическим богатством и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений. Способность цветообозначений сочетаться при создании

фразеологических единиц с большим количеством слов свидетельствует об особой семантической продуктивности этой группы лексем. Не вызывающим сомнение фактом является направление развития спектра значений у слово-цветообозначений от конкретного к абстрактному, от признаков, присущих предмету, обладающему каким-либо цветом, к оценочным характеристикам таких реалий, которые могут в принципе и не совмещаться с самим понятием цвета. Широкое использование названий цвета в образовании фразеологизмов связано с переосмыслением самого понятия цвета с его символическим содержанием. Отрываясь от реальных предметных связей, слова-цветообозначения становятся условными и отвлеченными, определяя самые разнообразные понятия.

Сопоставительное изучение фразеологических оборотов с компонентом цветообозначения показывает, что не только лингвистические факторы определяют роль цветообозначений. Значение названий цвета зависит и от ряда экстралингвистических факторов: культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и сложной, но она всегда налицо. Преобладание одних и тех же наименований цветов в лексических и фразеологических единицах различных языков объясняется тем, что это главные, самые необходимые для общения цвета: “Если мы хотим понять друг друга, то для этого достаточно слов черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий как главных названий для наших ощущений”. Древность происхождения прилагательных-цветообозначений (таких, как белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, серый) также является причиной частого их употребления в лексике и фразеологии. Наиболее частотные слова обладают и наибольшей активностью. Активность – это способность слова к словопроизводству, словосложению, образованию фразеологизмов, полисемии. Все эти факторы объясняют широкое употребление цветообозначений: белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый в составе фразеологических единиц английского, русского и татарского языков.

Роль языковой метафоры в концептуализации действительности

Переосмысление является одним из способов познания действительности в сознании человека и связано с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей отраженных объектов на основе установления связей между ними. Техника переосмысления заключается в том, что старая форма используется для вторичного или третичного наименования путем переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов ФЕ или фразеологических вариантов соответственно на денотаты ФЕ или фразеосемантических вариантов [Кунин, 1986: 132-133].

Важнейшими типами переосмысления являются метафора и метонимия. Метафора – это перенос наименования с одного денотата на другой, ассоциируемый с ним, на основе реального и воображаемого сходства [Лингвистический энциклопедический словарь, 1980]. Механизм метонимических переосмыслений представляет собой перенос наименований явлений, предметов и их признаков по их смежности или по их связи в пространстве и времени [Арутюнова, 1990:30]. Метонимия обращает внимание на индивидуальную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других присутствующих с ним предметов (метафора обычно дает сущностную характеристику объекта). Уорфа следует считать родоначальником исследований, посвященных роли языковой метафоры в концептуализации действительности. Именно Уорф показал, что переносное значение слова может влиять на то, как функционирует в речи его исходное значение.

В современной лингвистике именно изучение метафорических значений в обыденном языке оказалось одним из тех направлений, которые наследуют “уорфианские” традиции. Исследования, проводившиеся Дж. Лакоффом, М. Джонсоном и их последователями начиная

с 1980-х годов, показали, что языковые метафоры играют важную роль не только в поэтическом языке, они структурируют и наше обыденное восприятие и мышление. Однако современные версии уорфианства интерпретируют принцип лингвистической относительности прежде всего, как гипотезу, нуждающуюся в эмпирической проверке. Применительно к изучению языковой метафоры это означает, что на первый план выдвигается сравнительное изучение принципов метафоризации в большом корпусе языков разных ареалов и различной генетической принадлежности с тем, чтобы выяснить, в какой степени метафоры в отдельно взятом языке являются воплощением культурных предпочтений отдельно взятого языкового сообщества, а в какой отражают универсальные биопсихологические свойства человека.

Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать частью стандартного семантического инструментария языка.

С одной стороны, набор цветообозначений в языках мира не совпадает, т.е. непрерывный спектр разбивается каждым языком по-своему; с другой стороны, нейрофизиологические основы цветовосприятия универсальны и достаточно хорошо изучены. Жестко универсалистский подход к этой проблеме восходит к ставшей уже классической работе Б. Берлина и П. Кея Базовые цветообозначения (Basic Color Terms, 1969), в которой было выделено 11 так называемых базовых цветов и показано, что системы цветообозначений в языках мира подчиняются единой иерархии: если в языке имеется всего два базовых названия цвета, то это черный и белый, если три – то это черный, белый и красный. Далее, по мере увеличения в языке числа слов, обозначающих базовые цвета, к списку добавляются зеленый и желтый, затем последовательно синий, коричневый и, наконец, группа из четырех цветов – фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. В настоящее время в оборот исследований по цветообозначению вовлечено уже несколько сотен языков, в том числе языки Центральной Америки, Африки, Новой Гвинеи и т.д.

Рассмотрим ФЕ, содержащие в своей семантике элемент цветообозначения. В большинстве своем фразеологизмы английского языка являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Такие ФЕ связаны с обычаями и традициями английского народа или с реалиями и историческими фактами.

Blue stocking (презр.) – синий чулок (“собранием синих чулок” был назван адмиралом Босковеном один из литературных салонов середины 18 века в Лондоне; причиной тому послужило появление известного ученого Бенджамина Спеллингфлита в этом салоне в синих чулках). Интересно, что сейчас так принято называть женщину, слывущую сухой педанткой, лишенной женственности.

A black sheep – “паршивая овца”, позор семьи (по старому поверью считалось, что черная овца отмечена печатью дьявола). Фразеологизм является частью пословицы There is a black sheep in every flock, что в русском языке звучит как “В семье не без урода”.

a\the thin red line – небольшая группа отважных людей, защищающих местность или принципы, не уступающие своих позиций. Этот фразеологизм был впервые использован в 1877 году В. Расселом. Имелись в виду британские войска в период крымской войны, носившие красную униформу.

Библия является важнейшим литературным источником фразеологических единиц. “О колоссальном влиянии, которое оказали на английский язык переводы Библии, говорилось и писалось много; в течение столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Англии книгой. Не только отдельные слова, но и целые идиоматические выражения (часто буквальные переводы древнееврейских и греческих идиомов) вошли в английский язык со страниц Библии. Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелегкой задачей” [Смит 1959: 110-111].

Библейские ФЕ являются полностью ассимилированными заимствованиями. Фразеологизмы библейского происхождения зачастую сильно расходятся с их библейскими прототипами. Этот сложный и не изученный вопрос требует особо тщательного рассмотрения и выходит за рамки данной работы.

“По числу фразеологизмов, обогативших английский язык, произведения Шекспира занимают второе место после Библии. Число их свыше 100” [Кунин 1996: 217]. Такие ФЕ называются шекспиризмами, и, так как большее их число встречается в произведениях драматурга лишь однажды, форма их четко фиксирована. Пример одного из самых известных ФЕ взят из трагедии “Отелло”: *the green-eyed monster* (книжн.) – “чудовище с зелеными глазами”, ревность.

Кроме Шекспира многие другие гениальные писатели обогатили английский язык и, в частности, его фразеологию. Среди них Джеффри Чосер, Джон Мильтон, Джонатан Свифт, Чарльз Диккенс, Вальтер Скотт и другие. Так, следующий фразеологизм впервые встречается в романе В. Скотта “Айвенго”: *Catch/take smb red-handed* – застать кого-либо на месте преступления, захватить с поличным.

На основе полученной выборки фразеологизмов можно сделать вывод, что в их состав в основном входят термины-цветообозначения более древнего происхождения, то есть наименования для тех цветов, которые составляют группу из 11 базовых оттенков спектра.

Эмотивная составляющая цветообозначений в языковой картине мира

Как мотивирующая основа познавательной деятельности человека, эмоции составляют существенную часть его когнитивной системы, а процессы вербализации эмоций высвечивают основные механизмы функционирования человеческого мышления.

Любое эмоциональное состояние может быть активизировано, т.е. возбуждено, дополнено, подчеркнуто, или компенсировано соответствующими цветовыми сочетаниями. Абсолютное большинство исследований связи цветом и эмоций отличает особенность: “цвет вызывает эмоции”, а не наоборот, поэтому цвета должны храниться в памяти точно в той же форме, как мы их видим. А.М. Эткинд провел серию исследований цветоэмоциональных значений у взрослых, опираясь на восемь цветов теста М. Люшера и 9 основных эмоций по К. Изарду (1980). В результате исследований Эткинд установил, что взаимосвязь цвета и эмоций является многоуровневой. Во-первых, цвета и их сочетания являются символами эмоций, их внешним воплощением, опредмеченной формой; во-вторых, эмоциональные состояния человека влияют на ситуативное отношение к цвету (изменения цветовой чувствительности, цветовых предпочтений и т.д.); в-третьих, устойчивые эмоциональные особенности (свойства) субъекта также находят свое отражение в различных вариантах цветовых предпочтений. Подобная полифункциональность цвета, с одной стороны, делает его уникальным средством изучения эмоциональной сферы человека, но с другой – лежит в основе неоднозначности в оценках наблюдаемых феноменов, что требует от исследователей особой тщательности при принятии решения относительно того, на каком конкретном уровне он рассматривает и анализирует эти феномены.

Поскольку существуют свои традиции восприятия цвета у разных народов, связанные с историческими, природными, социальными условиями развития того или иного этноса, способы лексического обозначения отдельных элементов цветовой картины мира также зависят от определенных культурных традиций народа, ибо язык есть непосредственное отражение (воспроизведение) действительности, которое включает воображение и мышление; мы можем говорить в данном случае о существовании этнических (национальных) цветовых картин мира и лингвоцветовых картин мира, причиной возникновения которых является конфликт между культурными представлениями разных народов об окружающей их реальности.

Символика колороморфов в различных культурах

Наряду с субъективным восприятием цвета индивидуумом существует и интерсубъективность в отношении к различным цветам. В этом случае мы имеем дело с

символикой цвета. Способность отдельных цветов выступать в качестве символа чего-либо связана с особенностями взаимодействия цвета с сознанием и ощущениями человека. Говоря о символике цвета, следует отметить, что существует мнение, согласно которому, “цвета играют информативную роль в окружающей среде и поэтому стали общими символами для обозначения различных понятий и явлений”. Цветовая символика обладает способностью меняться от языка к языку, от одного языкового сообщества к другому: “Своя символика есть у каждого народа-носителя языка. С каждым языком связываются определенные представления, впечатления, чувства”. Роль цвета в символике различных народов велика. Цвет воздействует на психику человека, поэтому в языках и культурах многих народов определенные цвета имеют символическое значение. В этом проявляются как универсальные черты, свойственные всем языкам, так и специфические особенности, отличающие их друг от друга. Среди основных источников возникновения цветовой символики исследователь Л.Г. Бедоидзе выделяет следующие: конкретные условия быта и окружающего мира, обычаи и традиции народа, религиозные воззрения данного конкретного языкового сообщества и политические взгляды. Большое значение в становлении системы цветообозначений имеет различная потребность людей в обозначении разных групп тонов, связанная с частотой проявления оттенков цветов в окружающей природе и с практическими нуждами языкового коллектива. Важную роль в этом играют также и отличия в ассоциативном восприятии мира представителями различных национальностей и культурно-исторических эпох.

Цветовое восприятие мира нашло свое отражение в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологических единиц непосредственно связано с формированием метафорических значений у цветоименований, а на появление метафорических значений прилагательных-цветообозначений решающее влияние оказала символика цвета. “В символике народов цвета играют чрезвычайно важную роль. Различие оптических их эффектов, отзывающееся чувствительным образом на настроении и расположении духа, неоспоримое влияние цветов на психическую сферу человека, контраст между светлыми и темными цветами, интенсивность и энергичная живость красного цвета в противоположность к слабости и неопределенности синего и фиолетового – все эти моменты, которыми человек пользовался для символизирования и метафорического оживления своих созерцаний, ощущений и представлений”. Велика роль цветообозначений и в формировании языковой картины мира. Как совершенно справедливо утверждает исследователь А.К. Башарина, “цвета играют большую роль в формировании языковых картин мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения.

Особый интерес вызывает попытка польской исследовательницы А. Вежбицкой найти для фокусных цветов “естественные прототипы из окружающей среды”. Она выявила ассоциативную связь между черным и ночью, белым и днем. Очевиден и выбор аналогов для синего и зеленого: это – небо и растительность. Так, во многих языках, в том числе и в русском, для обозначения зеленого цвета служат слова, морфологически или этимологически связанные с обозначением травы, растений или растительного мира в целом. Подобные примеры можно найти и для синего цвета, так, в родном для исследовательницы польском языке слово *niebieski* (светло-синий) происходит от слова *niebo* (небо).

Выводы. Сочетаемость слов изучается теорией словосочетаний. Лексическая сочетаемость слова – это его способность вступать в сочетания не с любым словом из какого-либо семантического класса, а только с некоторыми. Избирательность языка в словесных сочетаниях порождает его идиоматичность, национальную самобытность и выразительность. Цветовое восприятие мира нашло свое отражение в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологических единиц непосредственно связано с формированием метафорических значений у цветоименований, а на появление метафорических значений прилагательных-цветообозначений решающее влияние оказала символика цвета.

Основополагающим свойством языка является возможность успешно передать нужный смысл, используя слово не в том значении, которое обычно связывается с ним в языке. Чаще всего это делается за счет эксплуатации сходства между тем, что обозначают слова в их стандартных смыслах, и тем, о чем хочет сказать говорящий. Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать частью стандартного семантического инструментария языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляевская, Е.Г. Семантика слова / Е.Г. Беляевская. – М., 1987.
2. Миронова, Л.Н. Семантика цвета в эволюции психики человека. Проблема цвета в психологии / Л.Н. Миронова. – М., 1993. – С. 172-187. – 207 с.
3. Berlin, B., Kay P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution, University of California Press, Berkeley, 1969.
4. Jespersen, O. Language, its nature, development and origin. L., 1925.

REFERENCES

1. Belyayevskaya Yu.G. *Semantika slova* [Semantics of the word]. Moscow. 1987 (In Russ.).
2. Mironova L.N. *Semantika tsveta v evolyutsii psikhiki cheloveka. Problema tsveta v psikhologii* [The semantics of color in the evolution of the human psyche. The problem of color in psychology]. Moscow. 1993. P. 172-187. 207 p. (In Russ.).
3. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution, University of California Press, Berkeley, 1969 (In English).
4. Jespersen O. Language, its nature, development and origin. L. 1925 (In English).

Материал поступил в редакцию 22.06.24

LINGUISTIC METAPHOR

A.A. Makeev, Senior Lecturer

Russian State University for the Humanities (Moscow), Russia

Abstract. *This article analyzes phraseology as the key to understanding mentality, as well as the role of the laws of lexical compatibility in comparative studies, the role of linguistic metaphor in conceptualizing reality, the emotive component of color designations in the linguistic picture of the world and the symbolism of coloromorphs in various cultures.*

Keywords: *phraseology, compatibility, metaphor, mentality, linguistics, color.*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

Международный научный журнал

№ 4 (52), июль / 2024

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ИП Ростова И.А.

Адрес типографии:

Россия, 400121, г. Волгоград, ул. Академика Павлова, 12

Учредитель (Издатель): ООО «Научное обозрение»

Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

ISSN 2414-4452

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Панкратова Елена Евгеньевна

Редакционная коллегия:

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Ансимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук

Рахронов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук

Бобокалонов Рамазон Раджабович, доктор филологических наук

Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук, профессор

Якубов Жамалиддин Абдувалиевич, доктор филологических наук

Зиямухамедов Жасур Ташпулатович, доктор филологических наук

Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

Редакционный совет:

Новоградец Марина Яйич, доктор филологических наук

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна, кандидат филологических наук

Саидов Якуб Сиддикевич, доктор филологических наук

Артамонова Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 16.07.2024 г. Дата выхода в свет: 09.08.2024 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Заказ № 55. Свободная цена. Тираж 100.